

НОВАЯ ПРОЗА

ЖМЫХ

Наталья Елизарова

издательский дом

Выбор Сенчина

Наталья Елизарова

Жмых. Роман

«Издательские решения»

Елизарова Н.

Жмых. Роман / Н. Елизарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906803-3

Чем интересна психология обывателя в эпоху, когда рушится устоявшаяся и привычная жизнь? Переломные эпохи отличаются тем, что события «большой» истории видоизменяют жизненное пространство отдельного человека и трансформируют его убеждения и принципы даже вопреки желаниям. В романе «Жмых» автор буквально выворачивает своих героев наизнанку и задает читателю неудобные вопросы: а до какого предела можешь дойти ты, чтобы выжить? Способен ли ты оставаться человеком в нечеловеческой ситуации?

ISBN 978-5-44-906803-3

© Елизарова Н.
© Издательские решения

Содержание

Жмых	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

ЖМЫХ Роман

Наталья Елизарова

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Наталья Елизарова, 2018

ISBN 978-5-4490-6803-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жмых Роман

Память, как болото: увидишь нежную кувшинку, залюбуешься, потянешь к ней руку – и соскользнёшь в такие топи, из которых живым не выбраться...

«Солнце родится из глубины сельвы¹. В самой чаще, среди непролазных папоротниковых зарослей, стоит заброшенный город из чистого золота. Вход в него сторожат два ягуара. Они готовы растерзать любого, кто приблизится к стенам. Когда-то за ними нашли укрытие инки², бежавшие от испанцев во времена конкисты³. Они-то и припрятали в городе свои сокровища... О, это несметные богатства! Их так много, что хватит на тысячу лет, и они не убавятся. От блеска этого золота и появляется солнце. Оно сияет так ярко, что видно далеко за пределами Пайтити⁴...».

Я часто слышала эту легенду из уст матери, но то, что она заговаривается, поняла не сразу.

«Дорогу не всякий отыщет. Хитрые инки позаботились, чтобы никто не посягнул на их золото. Сколько уже смельчаков сгнуло от укусов москитов и яда кайсаки⁵, сколько увязло в трясине и попало в пасть к аллигатору. Заветный путь откроется только избранному...».

Моя мать всегда была настолько приземлённой женщиной, что в ней трудно было предположить хоть какую-то склонность к сочинительству, но в один абсолютно будничным и ничем не примечательный день она вдруг ни с того ни с сего завела разговор о таинственном золотом городе, скрытом в недрах тропического леса.

«Тропу мне показала старуха из племени гуарани⁶. Она сказала, в путь можно отправиться только один раз в год, когда цветёт чёрная кинабалу⁷».

Её глаза горели нездоровым лихорадочным блеском. Смуглые натруженные пальцы нервно подёргивались: она как-то странно перебирала ими и ловила что-то невидимое в воздухе.

Однажды я спросила: «А где это – Пайтити?». Мать, пожав плечами, махнула рукой куда-то вдаль: «В Перу... в Андах⁸... где-то там...». Неясность ответа смутила меня, и я засыпала её вопросами: «Это далеко? Как мы туда доберёмся из Мисьонеса⁹?». Но мать лишь улыбнулась: «Как только мы найдём сокровища инков, мы заживём так, как тебе и не снилось! Перестанем работать. Купим шелковые платья: тебе алое, а мне – голубое, и коралловые серёжки, оденемся, как две госпожи, и пойдём по улице – пусть все завидуют. Вон, скажет сплетница Луиса хромой Исидоре, идут Тереза и Джованна Антонелли – две такие степенные и важные дамы – ну чисто жена и дочь губернатора!.. Вот, дочка, что скажет эта сплетница Луиса, накажи её Мадонна за длинный язык, когда мы с тобой найдём клад!».

Я невольно оторвалась от лохани, где полоскала бельё, и посмотрела на мать: глаза полузакрыты, на пересохших подрагивающих губах жалкая, рассеянная улыбка. Она слегка покачивалась, будто во хмелю.

---

¹ Влажный тропический лес.

² Древнее высококультурное индейское племя, жившее в Южной Америке в бассейне реки Амазонки.

³ Испанское завоевание Центральной и Южной Америки в конце XV – XVI вв.

⁴ Мифический (по некоторым источникам – затерянный) город.

⁵ Крупная ядовитая змея.

⁶ Индейское племя.

⁷ Орхидея.

⁸ Обширная горная система, окаймляющая всю Южную Америку.

⁹ Провинция в северо-восточной части Аргентины, граничит с Парагваем и Бразилией.

...Когда-то она была красавицей, но от былой красоты не осталось и следа. Тяжёлый адский труд наравне с мужчинами и домашние хлопоты выжали из неё все соки. В свои двадцать с небольшим она превратилась в настоящую мумию: впалая грудь, узкие бёдра, худые жилистые руки. Всем своим обликом она напоминала чахлое деревце с блёклой зеленью. Такие нередко можно увидеть вдоль дороги. Стоят они, опустив реденькие, жидкие ветви, на безжизненной, иссушенной почве и медленно умирают.

Она родила меня в четырнадцать. Про отца не знаю ничего. Слышала только, как однажды на его счёт злословили соседки: мол, приезжали на уборку тростника парни из Асунсьона¹⁰, поработали и уехали, а мать моя осталась с брюхом – парагвайский гостинчик.

Это обидное прозвище я слышала всякий раз, как выходила на улицу, и всякий раз на глаза у меня наворачивались слёзы. «Болтают, сами не знают, что... – смутилась мать, когда я ей об этом рассказала. – Не слушай их, дочка».

У меня было полдюжины братьев и сестёр мал мала меньше. Мать рожала их почти каждый год: тощих, болезненных, с большими вздутыми животами – кожа да кости. Чтобы заглушить голод, они жевали всё, что попадалось под руку: листья стевии¹¹, сухие корешки, красную глину... Почти каждый год кто-нибудь из них умирал, и тогда моя мать, перекрестившись, возводила глаза к небу: «Да будет благословенно чрево твоё, давшее миру Спасителя, Пресвятая Мадонна, приборала ангелочка!».

Мужья моей матери менялись так часто, что я почти не успевала запоминать их имена. Когда кто-нибудь из них, громко стуча грязными башмаками, в очередной раз по-хозяйски заходил в нашу хижину и бросал на лавку мачете и шляпу, мы, дети, прятались по углам: новые «отцы» имели обыкновение при любом удобном случае – за небольшие провинности, а иногда и скуки ради – награждать нас пинками и затрещинами.

Я искренне не понимала, зачем к нам дом приходили все эти люди. Денег и еды они не приносили, по хозяйству не помогали, а, напротив, доставляли всяческие неудобства: напились, скандалили, били и без того скудную утварь и выгоняли нас из дома.

Во время сезона дождей крыша в нашей хижине, покрытая камышом и пальмовыми ветвями, протекала. Мы мёрзли и болели. Мать говорила, что попросит кого-нибудь её отремонтировать... Всякий раз, когда в доме появлялся очередной Рамиро или Аурелио, мать, опуская глаза, говорила: «Я позвала его, чтобы он починил нам крышу... Он починит и уйдёт». И этот Рамиро или Аурелио оседал в нашем доме на несколько месяцев. Ел и пил на всём готовом, а потом бесследно исчезал.

Мать как-то ухитрялась потчевать своих сожителей настоящими блюдами из тыквы и бобов, пекла лепёшки из маниоки¹², хотя мы сами кроме маисовой похлёбки ничего не видели. Один раз я спросила мать, где она берёт деньги, чтобы покупать продукты. Она улыбнулась уголками губ и поцеловала висевший на шее деревянный крестик: «Мадонна милостива». Позже я узнала, что она попросту закладывала вещи у ростовщика.

В нашем доме через всю комнату была протянута выцветшая застиранная занавеска. Мы, дети, спали по одну сторону, мать – по другую. Каждую ночь до нас доносились звуки, которые заставляли краснеть и одновременно будоражили воображение, распяляли любопытство. Ворочаясь на полу, на общем матрасе, мы подолгу не могли уснуть, слыша сдавленные стоны матери и сиплое урчание мужчины...

---

¹⁰ Столица Парагвая.

¹¹ Травянистое многолетнее растение.

¹² Съедобное тропическое растение, корнеплоды которого богаты крахмалом; сушёную маниоку перемалывают в муку и пекут тонкие лепёшки.

Её мужьями, как правило, были сезонные рабочие, приехавшие в наш городок на заработки. Они чем-то походили друг на друга: прокопченные загаром, нелюдимые, злые. Их хмурые лица освещались неким подобием улыбки лишь тогда, когда в руках у них оказывался мате¹³. Сила этого чудодейственного напитка была велика. Несколько глотков, и жизнь уже не казалась такой беспросветной. Глаза начинали глядеть веселей. С губ срывались пошловатые шуточки. А руки сами собой тянулись к женскому телу.

Я то и дело уворачивалась от потных похотливых ладоней, которые настигали меня всюду, иногда даже в присутствии матери, которая не обращала никакого внимания на все эти вольности. Её равнодушие, в котором сквозил оттенок лёгкой снисходительности, возмущало меня до глубины души. Однажды я не выдержала и выпалила ей, глядя в глаза: «Эти скоты меня лапают, а ты стоишь и смотришь, как ни в чём не бывало! Что ты за мать!». Она нахмурилась: «Что за вздор ты городишь, Джованна! Чтобы я этих глупостей больше не слышала!». Когда мать злилась, у неё начинали вздрагивать уголки губ, карие глаза темнели до черноты и подёргивались влажной дымкой. Я, опасаясь истерики, тотчас прекращала с ней любые препирательства.

Приступы у неё проходили бурно и начинались всякий раз неожиданно. Она могла часами кататься по полу, рыдать и биться головой о стены. В другой раз – униженно ползала на коленях, выпрашивая прощения непонятно за какие грехи. А однажды, разобидевшись на меня из-за какого-то пустяка, прокляла и пожелала смерти... Любые аргументы, любые уговоры были бессильны против её слёз. Поэтому как только на нашем небосклоне чудились грозные раскаты, я замолкала, понимая, что моё утлое судёнышко не выдержит шторма.

Моя мать была непостижимым для меня существом. Милая, приветливая, услужливая – такой она была со всеми кроме нас, собственных детей. Мы редко слышали от неё доброе слово. Между нами существовала незримая дистанция, устранить которую мы и не помышляли. Для нас она была такой же незыблемой и устоявшейся, как затерянные в недрах Анд горные вершины с нахлобученными на мощные твердокаменные лбы величественными снежными шапками.

Вряд ли мать была такой бесчувственной от рождения. В уголках её большого, некогда пухлого рта залегли глубокие, чётко очерченные складки, свидетельствующие о склонности посмеяться. Но в её жизни было так мало причин для радости и так мало повода для шуток... А ведь когда-то она была молодой, полной сил. И её имя было чьей-то ночной грёзой.

Она родилась на побережье Рио-де-ла-Плата¹⁴. Мутной жёлтой реки, скользившей вдоль непроходимых дебрей тропического леса, где к кронам деревьев, опустившихся под тяжестью сплетенных причудливой сетью ветвей, приникли гибкие стволы лиан. Тихие, заболоченные заводи среди вечнозелёного полумрака. Приторный запах гнили и орхидей. Влажная одуряющая духота.

Чтобы выжить в таком месте, нужно уподобиться глине – мягкой и податливой, готовой в любой момент распасться на мириады частиц и безвозвратно кануть в илистых водах Рио-де-ла-Плата вместе с трухой пальм, отживших свой век, и гниющими трупами диких животных. Твёрдость духа и сила воли в таком краю как этот – непозволительная роскошь. Здесь вода не просто точит камень. Она его растворяет, подобно ненасытному гигантскому языку, лижущему кусок сахара.

Таким куском сахара и была моя мать: издали – твердыня, на деле – застывшая сладкая водичка. Его продают в любой бакалейной лавке на развес и едят с чаем вприкуску. Вместо конфет...

---

¹³ Парагвайский чай.

¹⁴ Река в Южной Америке (в переводе с испанского – Серебряная река), образующая часть границы между Аргентиной и Уругваем; под описываемым местом подразумевается аргентинское побережье.

Чай и сахар. Главные богатства этой местности. Зелёное и белое золото Южной Америки. Как непринуждённо и беззаботно прихлёбывают чаёк кумушки всего мира, сидя в воскресный день на террасе. Сплетничают. Болтают о разных пустяках: выкройках, приступах мигрени, подгоревшей шарлотке... Скатерть с кистями, расписные чашки, вазочка с печеньем и варенье в розетке. Тихо, буднично, по-мещански скучно...

Когда передо мной оказывается чашка чая, я невольно представляю грязную речную пристань, пароход, до отказа нагруженный людьми и узлами с их пожитками, и мою мать – маленькую девочку в коротком платьице, перешитом из старой юбки, чьи крошечные ножки едва успевают за идущими по трапу родителями. Никто не держит её за руку – отец и мать несут туки с вещами, поэтому она, боясь потеряться в толпе, бежит вприпрыжку.

...Я слежу за тающим ароматным облаком, скользющим по запотевшим стенкам чашки, и мои мысли ползут вслед за ним в далёкое прошлое.

...Тогда все искали лучшей жизни. Уезжали из голодных аргентинских провинций на заработки в Альто-Парану¹⁵. «Благодатная земля, – говорили вербовщики рабочей силы, не скупясь на словесную патоку. – Можно подзаработать, скопить денег. А там: хочешь – дом строй, хочешь – лавку открывай, закупай товар, торгуй».

Лавка, дом... О такой роскоши будущие пеоны¹⁶ и не мечтали. Хоть бы поесть досыта... Но рассказы о безбедной жизни кружили головы, и люди ехали в Альто-Парану целыми семьями. Среди них были и мои дед с бабкой – Джакомо и Донателла Антонелли – юные, полные надежд...

В своё время в поисках лучшей доли они вот также покинули родную Италию... Безродные, безвестные бедняки из маленькой захудалой деревушки Романьяно-аль-Монте¹⁷, трудившиеся на своей родине за одну лиру в день, которой едва хватало на миску жидкой поленты¹⁸, они искренне надеялись, что за океаном им повезёт... Но Серебряная земля¹⁹ не захотела поделиться с ними своим добром... В награду за трудолюбие мои предки не получили ничего, кроме враждебного отношения со стороны местных, считавших, что «проклятые макаронники отнимают у них кусок хлеба»... И тогда они решили попытать счастья в Парагвае...

Что знали мои дед с бабкой про дикие заросли йербы²⁰ в верховьях реки Параны²¹, когда вместе с другими нанялись в работники? «Чудное райское место... Работы на всех хватит. Через год – полные карманы денег»... В местечке на побережье реки Рио-де-ла-Плата, где они попытались осесть по приезду из Италии, кроме жизни впроголодь, перспектив не предвиделось, а рассказы о баснословных заработках на заготовках парагвайского чая были так заманчивы...

Осознали ли они, в какую западню попали, оказавшись на пароходе, где боцман и его подручные усмиряли строптивых менсу²², внезапно передумавших ехать и требовавших расторгнуть контракт, палками? Или подумали, что именно так и следует поступать с нарушителями спокойствия? Ёкнуло ли у них от недобрых предчувствий сердце, когда зачинщики беспорядков на следующее утро после отплытия вдруг внезапно исчезли? Или решили, что тех отправили на берег шлюпкой? Не охватила ли их паника, когда они впервые увидели за бор-

---

¹⁵ Территория Парагвая.

¹⁶ Подёнщики, батраки, зависимые крестьяне в Латинской Америке.

¹⁷ Деревня в итальянской провинции Салерно.

¹⁸ Каша из кукурузной муки, традиционная еда итальянских крестьян.

¹⁹ Название Аргентины в переводе с латинского означает «серебро».

²⁰ Парагвайский падуб, из листьев которого изготавливают чай йерба-мате.

²¹ Река в Южной Америке, протекающая в южной части континента по территории Бразилии, Парагвая и Аргентины.

²² Сезонные рабочие.

том распухший, изъеденный рыбами труп, подбрасываемый волнами Параны, словно обычную корягу? Или не встревожились, рассудив – мало ли в этих водах утопленников... Река могучая, свирепая. Её рык, извергаемый гигантскими водопадами, разносится на десятки километров. Непросто преодолеть эти огромные расстояния, эти кипящие пеной пороги... Но если они и осознали, если и поняли, что могли поделать? Что-либо предпринимать было уже поздно. Причал превратился в тёмную полосу горизонта.

...Они плыли больше недели, будто один большой цыганский табор: вместе с домашней живностью ели и спали, затевали ссоры, играли в карты, шлёпали ревущих детей, давили вшей, рассказывали страшные истории про индейские жертвоприношения, совокуплялись в укромных углах, латали рваную одежду.

Их кормили тухлой рыбой. На протяжении всего путешествия на палубе стоял отвратительный смрад. Многих мучило.

Как потом выяснилось, за тухлятину с каждого из пассажиров вычли по семьдесят пять песо²³. Сто песо нужно было заплатить за проезд, девяносто – за выпивку (во время холодных ночей на палубе под открытым небом это была единственная возможность согреться), восемьдесят песо составляли комиссионные вербовщику, тридцать пять отчекрыжили за провоз багажа... Многие менсу возмущались: «Какой багаж? Старое одеяло? Пара рваных пончо?». Но разве поспоришь с теми, у кого в руках карабин?.. Поскольку денег почти ни у кого не было, на каждого лёг долг в несколько сотен песо. А по прибытию на место путников ждало ещё более неприятное открытие. Управляющий, приехавший на пристань встречать новую партию работников, объявил, что своему теперешнему работодателю бедолаги должны ещё по две тысячи – именно столько он заплатил вербовщику за каждого менсу. Две тысячи песо помимо основного долга. Люди, поняв, что их самым бесстыдным образом надули, пришли в отчаяние. Всех, кто стал возмущаться, жестоко избили. В их числе был и мой дед. Ему тогда разбили в кровь лицо и сломали два ребра... Так, ещё ничего не заработав, он уже попал в кабалу...

В те годы заманивать людей обманом на плантации было самым обычным делом. К чему щепетильность, когда речь идёт о больших деньгах, а на сотни миль лесных угодьев – ни властей, ни закона? Хочешь бежать – беги: винчестер пожелает попутного ветра. Хочешь жаловаться – жалуйся: кайманы внимательно выслушают твою исповедь.

Чтобы валить огромные двадцатиметровые деревья падуба, нужны были сильные, крепкие, здоровые молодые мужчины. Всеми правдами и неправдами их завлекали в Альто-Парану, а через несколько лет это уже был отработанный материал: сломленные, измученные, измождённые люди. Не люди даже – рабочий скот.

«Раз... два... три... четыре...» – с трудом переводя дыхание и облизывая солёные растрескавшиеся губы, шептали батраки, продиравшиеся к роще дикой йербы сквозь густые заросли осоки и расчищавшие себе путь ударами мачете. Дорогу им преграждали зловонные болота, частокол колючих кустарников, хищные ядовитые твари. Чуть зазевался – и белые зубы аллигатора намертво вонзались в тело и рывком волокли его под плавучую вязкую тину, сделал неверный шаг – и тебя, шурша в траве жёлто-бурой чешуёй, подстерегала смертоносная жарарака²⁴, ослаб от истощения – и вот уже по твоей плоти копошились полчища красных муравьёв.

«Раз... два... три... четыре...» – стиснув зубы, мычали лесорубы, размахивая топорами и не думая о том, что для заготовки йербы совсем не нужно под корень вырубать целые рощи падуба, достаточно лишь аккуратно срезать ветви и собрать с них самое ценное – душистые зелёные листья. Но разве будут помнить о таких мелочах люди, подстёгиваемые нуждой, точно плетью? Полуголодные, оборванные, ожесточённые, они выплёскивали всю накопившуюся

---

²³ Название денежной единицы ряда государств Южной Америки.

²⁴ Ядовитая змея.

в душе ненависть на белоствольные деревья, как будто именно те виноваты были в их бедах... Дюжина крепких ударов – и могучий вековой исполин покорно падал под победоносный клич истощённых, обезумевших пеонов. А через несколько секунд в его истекающие соком раны уже безжалостно вгрызались лезвия мачете и кромсали поверженные ветви, оставляя на их месте изрубленные почерневшие культи.

«Раз... два... три... четыре...» – стуча костяшками на счётах и бросая на весы мешки со свежесобранными листьями, покрикивали в приёмном пункте сборщики и между делом обвешивали работяг. У вымотавшихся за день мужчин и женщин сил на протест уже не хватало. А если кто-то из них, заметив жульничество, всё же пытался его пресечь, его тут же грубо обрывали: «Да тут и листьев нет, только ветки!.. С травой набрал – брак!.. Скверный товар – одна труха!»... Спорь не спорь, а всё равно будет так, как захочет хозяин. А хозяину хотелось платить своим батракам как можно меньше. Набрал четыре арробы²⁵ – получишь за две. На тех, кто решался возражать – быстро находилась управа.

«Раз... два... три... четыре...» – с остервенением вопили надсмотрщики, лупцуя хлыстом вздрагивающие окровавленные спины бунтовщиков – так называли всякого, кто осмеливался перечить плантатору.

«Раз... два... три... четыре...» – во всю глотку орала пьяные пеоны, швыряя на стол кости и проигрывая потом и кровью заработанные гроши. Оскаливая жёлтые зубы, бранясь и отплёвываясь, они с оголтелым азартом отдавались игре, и в такие минуты чувствовали себя по-настоящему счастливыми. Они испытывали Фортуну, рисковали, ловчили, изобличали шулеров и хитрили сами. Долгие месяцы лишений забывались, как по волшебству. Следы бича на смуглых спинах сглаживались сами собой. Они больше не были забитыми и униженными менсу. Они дышали полной грудью. К ним льнули женщины. Рекой лилась канья²⁶. Пока в их карманах звенело хотя бы несколько монет, они ощущали себя хозяевами жизни, задавались, хорохорились, важничали. Но наступало утро, рассеивался пьяный угар, и они снова превращались в жалких подёнщиков в прохудившихся альпаргатах²⁷ и засаленных сомбреро, которые, взяв в мозолистые руки мачете, шли гнуть спину в лесные чащобы.

«Раз... два... три... четыре...» – приговаривали могильщики, подбрасывая лопатой влажные комья красной земли.

И так продолжалось изо дня в день, из года в год...

Моя бабка, Донателла Антонелли, скончалась в первый же месяц после прибытия в Альто-Парану. Скоротечная чахотка скрутила её в считанные дни, и она истаяла буквально на глазах. Её замотали в кусок старой холстины и бросили в реку – так во время наводнения поступали в этой местности со всеми усопшими. Могил не рыли. Затопленная почва была для этих целей непригодной. «Бросили, будто бревно, в воду и оттолкнули палками... А у другого берега копошились кайманы... Один из них, разинул пасть и нырнул... Она погружалась в воду, а он плыл прямо к ней...» – когда мать рассказывала эту историю, у неё были остекленевшие глаза. Похоже, это было её самым ярким детским воспоминанием.

Дедушка Джакомо запомнился мне глубоким стариком – сухоньким, сгорбленным, жалким. Когда он заболел жёлтой лихорадкой, его вынесли из хижины и уложили в гамаке под пальмами. Мы с матерью, по очереди сменяя друг друга, поили больного отваром из коры хинного дерева. Я, брезгливо держа кончиками двумя пальцев половину кокосовой скорлупы с отваром, со страхом смотрела, как бьётся в конвульсиях иссохшее, немощное тело. Старик, с трудом ворочая пересохшим языком, жаловался, что у него раскалывается голова и выворачивает суставы. Его поминутно рвало. Нестерпимые страдания умирающему причиняли мухи,

---

²⁵ Единица торгового веса в бывших испанских и португальских колониях, равная 11,5 килограммам.

²⁶ Водка из сахарного тростника.

²⁷ Национальная аргентинская обувь.

которые набивались в седые включенные космы, облепляли глаза, лезли на вспотевший лоб. Я изо всех сил махала пальмовым листом, стараясь отогнать их, и тогда они набрасывались на меня... Через пару дней всё было кончено. «Износился, как старое платье...» – задумчиво обронила мать, не отрывая взгляда от разведённого перед хижиной костра, в котором мы, опасаясь эпидемии, сожгли все дедушкины вещи.

Когда он умер, ему было сорок лет.

После смерти он не оставил нам ничего, кроме грехов и долгов. А при таком раскладе у нас, его детей и внуков, всю жизнь было только две заботы – молись да расплачивайся.

Моя мать ходила под руку с Мадонной, а за другую руку её водил сам Дьявол. Грешила и каялась. Каялась и грешила.

Я молитв не знала. Но по счетам расплатилась сполна за всех Антонелли.

Моим братьям и сёстрам повезло больше – почти все они умерли в детском возрасте, а самые счастливые – во время родов.

Я тоже могла бы умереть в младенчестве от голода и болезней, и даже во чреве матери: она не хотела моего появления на свет и с помощью разных знахарских травок отчаянно пыталась вытравить плод – безуспешно. Хотя со стороны Господа призвать меня было бы милосердием. Но он обрёл меня на жизнь. И я вцепилась в неё руками и зубами. И начала изо всех сил карабкаться и ползти, а карабкаясь – не оглядывалась назад. Озираться не было нужды, ибо мне и без того было известно: позади – пропасть, а впереди – только то, что я смогу вырвать у Судьбы из глотки.

Всю свою жизнь я дико завидовала тем, кому такие мысли были чужды, кто мог существовать просто и мудро, в согласии с собой и с этим миром... В детстве я играла с индейскими ребятами. В нашем селении жили несколько семей краснокожих, обращённых миссионерами в христианство. Дети Большой реки²⁸ – так они себя называли. Я часами могла наблюдать, как они ловят рыбу: став недалеко от берега по колено в воду, они зорко высматривали, когда в прозрачном речном мелководье промелькнёт белёсый плавник – и одним метким движением пронзали добычу тонким заточенным прутиком. А потом их матери, завернув рыбу в листья, запекали её на огне вместе с кореньями. Мужчины охотились на оленей, приходивших на водопой, а за рыбой уплывали вниз по течению. Когда сыновья подрастали – они брали их с собой и учили всему, что умели сами. Но главное, чему они учили своих детей – не брать от природы больше, чем она могла им дать: деревья рубили только, если нужно было построить жилище или выдолбить пирогу²⁹, охотились на животных – для пропитания. По этому неписанному закону индейцы жили столетиями... А в это время наши матери рассказывали нам сказки про несметные сокровища инков. И в лице их главного персонажа мы обретали на всю оставшуюся жизнь бессмертного идола – блестящий жёлтый металл, – перед которым вставали на колени и изо всех сил тянули к нему свои руки. Кто не дотянулся – проиграл. А при пустых карманах твой хлеб всегда будет чёрствым.

Я не дотянулась. Точнее, дотянулась, да не вовремя... Если бы только мне удалось сделать это чуть раньше, я бы не была обузой для своей матери. Если бы у меня было красивое шёлковое платье, а не жалкое рубище, ей бы не стыдно было идти со мной рядом по улице. Соседки завистливо смотрели бы нам вслед и шептали:

«Просыпайся, Джованна! Твоя потаскуха-мать тебя бросила!»...

Прошло уже много лет... Столько голосов безвозвратно стёрлись из памяти, столько слов сгинуло бесследно, а шёпот хромой Исидоры до сих пор стоит у меня в ушах:

«Просыпайся, Джованна! Твоя потаскуха-мать тебя бросила!»...

---

²⁸ Река Парана с языка индейцев племени гуарани переводится как «большая» или «великая река» («вода»).

²⁹ Длинная и плоская лодка.

Она сбежала с контрабандистом. Хотя, наверное, слово «сбежала» здесь неуместно. Просто ушла. Какой-то парень предложил ей пойти вместе с ним, и она пошла. А, может, не предлагал, и она сама увязалась вслед за ним... Ей хотелось жить и любить. А дома её ждало столько голодных ртов, прокормить которых она была не в состоянии.

Когда я пытаюсь представить себе, о чём думала она, бросая троих детей – меня и двух моих младших братьев – на произвол судьбы, я вспоминаю её улыбку. Так, уголками губ, могла улыбаться только она: потаённо, вкрадчиво... Вероятнее всего, она улыбнулась, поцеловала крестик и попросила Мадонну позаботиться о нас. А затем ушла из дома, убеждённая, что вверила наши жизни в руки более могущественные, нежели её собственные.

После того, как она оставила нас, я мечтала только об одном – отыскать золотой город. Я часами представляла, что сделаю, когда разбогатею: в первую очередь, куплю в лавке нарядную юбку с оборкой, блузку, расшитую бисером, новые туфли с подковками на каблуках, и отнесу всё это великолепию матери. Она обрадуется. И вернётся домой. Я искренне верила в это и истово молила Мадонну показать мне дорогу к Пайтити. Мне было восемь лет, и я тогда ещё не понимала, что этот город инков – всего лишь миф. И не знала значения слова «потаскуха».

... Меня и братьев отправили в миссионерский приют в Посадасе³⁰. Я пробыла там совсем недолго – около полугода. Нас воспитывали монахини-католички: равнодушные немногословные существа с пустыми рыбьими глазами. Они учили нас молитвам и обрядам, которыми мы машинально и бездумно задалбливали головы, и жестоко карали за малейшую оплошность – всю жизнь мне придётся усердно прятать за высокими воротниками и шейными платками шрам от розги, которой меня попотчевала одна из Божьих невест.

За время пребывания в приюте мы едва не позабыли свои имена. Сёстры называли нас не иначе, как «маленькие грешники», «скверные дети», «грязные испорченные существа». И без конца твердили, что порок у нас в крови. Эта расхожая фраза всякий раз была сцеплена с упоминанием о вавилонских блудницах, коими, по словам настоятельницы, являлись наши матери. В те годы я не вполне понимала, что они имели в виду, но мне сразу же вспоминалось моё детское прозвище, изобретённое чьими-то злыми языками...

А потом в общине случился мор – холера унесла больше половины воспитанников приюта. Заразились и ухаживающие за ними монахини. Эпидемия распространялась настолько быстро, что очень скоро дом, в котором мы жили, превратился в одну большую покойницкую. Умерших было так много, что их не успевали хоронить, а сваливали на пол в классной комнате. Те, кому посчастливилось избежать проклятой заразы, прятались на задворках дома, в сарае и с ужасом ожидали нового дня. Никто не знал, что он готовит нам: милость Господню или новое испытание.

Бог призвал двух моих братьев. Я помню, как в течение двух-трёх дней они из мальчиков превратились в маленьких старичков. Я была в ужасе, видя, как их руки и ноги буквально на глазах покрылись глубокими морщинами, а тонкая кожа натянулась на скулы и глазницы так, что стали видны очертания черепа... Они беспрестанно просили пить. И мне казалось, что если им дать вволю напиться, то они выживут. Всеми правдами и неправдами я ухищрялась раздобыть для них воду и несла её им, как драгоценность, боясь расплескать. А доктор, увидев в моих руках кружку, отбирал её и принимался орать: «Бестолочь! Ты где начерпала её? В луже?!». «Нет, – испуганно лепетала я, – в колодце». Он воздевал руки к небу и громогласно восклицал: «Святой Себастьян! Я же тысячу раз просил его засыпать! О чём только думает мать-настоятельница?!». Я принималась реветь, а он тряс меня за плечи: «Эту воду нельзя пить, детка! Ты умрёшь, если будешь её пить!»... Я хныкала и боязливо косилась на доктора, считая, что он свихнулся – ну разве можно умереть от простой воды? Всё это вздор, придумки

---

³⁰ Город на северо-востоке Аргентины, административный центр провинции Мисьонес.

старого чудака. Вот если вода порченная, тогда другое дело, тогда действительно нельзя пить. Но испортить воду могла только колдунья. А присутствие нечистой силы в месте, где на каждой стене распятие – маловероятно.

...После смерти братьев я почувствовала растерянность – теперь я осталась совсем одна! Тому, кто родился в большой семье, где на полу не хватало места, чтобы разложить тюфяк для ночлега, осознать это непросто. Я молила Бога, чтобы мать вспомнила обо мне. А иногда в молитвах подменяла имя Господа её именем и, обращаясь к ней, как к божеству, просила защиты и помощи. Но она не слышала меня.

...Потом меня, как котёнка, «отдали в добрые руки»: я стала воспитанницей дона Амаро Меццоджорно – владельца каучуковых плантаций в Баие³¹.

Он подобрал меня, возвращаясь с одного из аукционов, где скупил по бросовой цене сразу несколько разорившихся фабрик и торговых складов. Его путь из Бразилии в Аргентину и обратно был долгим и утомительным, и занял более месяца. Не каждый сеньор решился бы на такую поездку. Большинство из них доверили бы свои дела агентам и управляющим. Но дон Амаро предпочитал вести их сам. Он вообще никогда и нечего не выпускал из собственных рук... Провернув несколько удачных и выгодных сделок, он возвращался домой в самом благодушном расположении духа. Ему было с чем себя поздравить: теперь его предприятия будут работать не только в Бразилии, но и в Аргентине.

А в это самое время настоятельница приюта, где я воспитывалась, ревностно искала богатых и благожелательных господ, желающих сделать пожертвование на строительство новой школы в здоровой и более пригодной для проживания местности. Ей удалось привлечь в число меценатов и дона Амаро Меццоджорно.

Помню, как меня и ещё каких-то детей вывели на улицу перед доном Амаро и заставили поцеловать руку нашему благодетелю.

Руки этого сеньора были поистине удивительными: ленивыми, холёными и будто бы существующими сами по себе отдельно от огромного, громоздкого тела. До знакомства с ним мне никогда в жизни не доводилось видеть такой белой и гладкой кожи, не знавшей ни мозолей, ни заноз... Я, как замороженная, следила за его пальцами, держащими дымящуюся сигару, и пыталась уловить еле ощутимый сладковатый аромат.

– Сколько лет этой девочке?

Властный, металлический голос гостя заставил меня вздрогнуть от неожиданности – неужели говорят обо мне?

– Девять, сеньор.

– Она сирота?

– Да, сеньор.

Я подняла глаза. Красное, распаренное на солнце лицо дона Амаро, полуприкрытое широкими полями шляпы, утопало в клубящемся белом облаке. Два прищуренных чёрных глаза пристально разглядывали меня с головы до ног. С нескрываемым любопытством я смотрела на него – никогда раньше не доводилось мне видеть важных господ так близко. «Ну же, глупая, поклонись!» – прошипела над ухом мать-настоятельница и слегка толкнула в спину. Я неуклюже присела.

Моя судьба решалась ровно столько, сколько дотлевала в руке дона Амаро пахучая кубинская сигара. Как только она была брошена на пыльную избитую дорогу, мне было велено сесть в экипаж рядом с извозчиком.

---

³¹ Один из штатов Бразилии, расположенный на востоке страны на побережье Атлантического океана.

Из событий того дня, когда моя жизнь так круто переменялась, я мало что помню. Длительное, изнуряющее путешествие сделало из меня вялую тряпичную куклу. Мне было всё равно, куда везут моё безвольное тело, иссушенное зноем до костей. Все эмоции, кроме чувства смертельной усталости, были притуплены.

Очнулась я от ощущения, будто куда-то лечу. Меня несла на руках какая-то женщина. «Когда проснётся, дай ей поесть, – услышала я знакомые повелительные интонации. – Только не много, она сильно истощена, это может ей повредить». Не дождавшись ответа женщины, я снова, как в подземелье, провалилась в сон.

На следующее утро я проснулась уже другим человеком – тем, кто впервые в жизни поел досыта. До этого дня я не пробовала мяса, и его вкус показался мне божественным. Также меня вымыли в деревянной лохани, переодели в чистое платье и наголо остригли волосы. Последнее вызвало у меня бурный протест. «Не надо стричь! – жалобно всхлипывала я, прикрывая ладошками голову. – Пожалуйста, тётенька! Я не вшивая!». Но старая креолка, которой приказали «привести меня в порядок», была неумолима, как палач... Когда меня привели к дону Амаро, он, казалось, был доволен. «Потрясающая кожа, – оглядывая меня, проговорил он. – Должно быть, твои родители были белыми. Ты помнишь их, дитя?». Я уже хотела было ответить, но откуда-то из закоулков памяти донёсся прерывистый язвительный шёпот: «Просыпайся, Джованна! Твоя потаскуха-мать тебя бросила!..», – и я отрицательно покачала головой. «Так я и думал», – откликнулся дон Амаро. – Чистый лист». Меня взяли за подбородок двумя пальцами и задрали голову кверху. «И что же мы будем рисовать на этом листе, дитя?» – два чёрных немигающих глаза смотрели на меня с испытывающей пронзительностью. Я почувствовала себя человеком, стоящим у подножия горы, уходящей макушкой в небо. Высокая тучная фигура подавляла меня. «Что вам угодно, сеньор», – растерянно пробормотала я. Его губы тронула улыбка: «Хороший ответ, Джованна».

Через несколько лет я превратилась в то, что ему угодно было нарисовать. Созданный им образ гадов мне до тошноты – я ненавижу каждую черту его и всей душой проклиная творца.

И вместе с тем я ему благодарна. Если б не он, я бы осталась никем. Никогда бы не научилась читать и писать. И уж подавно не знала бы французского. Учить меня иностранному языку было одной из причуд донна Амаро, как, впрочем, причудой был и весь процесс обучения: скучающему, пресытившемуся сеньору непременно хотелось воспитать меня, как настоящую барышню. Я же чувствовала себя беспородной собачонкой, на которую из прихоти нацепили дорогой ошейник.

Танцы, пение, рисование, фортепиано, шахматы, верховая езда, стрельба из пистолета, игра в бридж... Меня научили всему, что могло бы пригодиться для выполнения одной нехитрой задачи – развлечь господина в минуты хандры. С этой задачей я справлялась блестяще, а потому меня таскали за собой из поездки в поездку. Как саквояж. Как несессер.

Было ещё одно существо, которое всюду сопровождало донна Амаро. Но в отличие от меня, следовавшей за ним с безразличием и покорностью, оно то и дело бунтовало и восставало против него. Её звали Маргарет.

Я долго не могла взять в толк, кем она приходится сеньору. Сначала я думала, что она его жена. Но никто из прислуги никогда не обращался к ней, как к госпоже Меццоджорно, напротив, все именовали её леди Рочфорд. Когда я спросила у донна Амаро, что означает слово «леди», он как-то неопределённо хмыкнул: «Ничего особенного... что-то вроде фигового листа». Я так и не смогла расшифровать этот туманный ответ. Существовала ещё одна трудность. Я долго ломала язык о сложно произносимую иностранную фамилию, постоянно путалась, сбивалась, переставляла и коверкала в ней буквы, поэтому, когда всем стало окончательно ясно, что я вряд ли смогу правильно её выговорить, мне было разрешено обращаться к леди Рочфорд просто «сеньора».

Когда я впервые увидела эту женщину, она произвела на меня жуткое впечатление. Её красивое бескровное лицо не имело ничего общего с живой плотью и казалось остывающим. Голубые глаза смотрели с безнадежной грустью: в них был тупик, дно, край бездны. Такие глаза могли принадлежать виллисе³², покинувшей свою домовину в полночь и ожидающей запоздалого путника возле кладбищенской ограды. По моему телу побежал холодок. Я панически боялась пересечься с ней взглядом, чувствуя какую-то необъяснимую опасность.

Маргарет заметила мой страх. Он развеселил её.

– Нашему Ваалу понадобилась свежая кровь? – проговорила она, улыбаясь.

– Замолчи, – нахмурился дон Амаро.

– Что ты намерен с ней делать? Будет подавать тебе по утрам какао или служить ночью в качестве грелки?

– Не твоё дело! Лучше налей себе выпить.

Женщина несколько раз неторопливо обошла меня по кругу, рассматривая, как музейную статуэтку.

– Недурной выбор, Амаро. Лет через пять она будет красавицей.

– Я решил оформить над ней опекунство.

– Благородно.

– Твоя ирония неуместна. Я, действительно, хочу принять участие в её судьбе.

– Бедняжке крупно повезло...

Этот разговор состоялся как раз накануне подписания доном Амаро одного юридического документа, после чего я стала его официальной воспитанницей. А вечером того же дня опекун велел явиться мне в его спальню. Я пришла. Он, зажав в зубах сигару, стоял посреди комнаты в атласном персидском халате пурпурного цвета. «Подойди ближе, Джованна, – негромко произнёс он; по голосу я почувствовала, что он пьян, – не бойся». Я сделала несколько нерешительных шагов. «Ещё ближе... – сказал опекун, распахивая халат. – Ты ведь послушная девочка, да, Джованна?..» Мне было приказано встать на колени...

Спустя сутки ко мне в комнату заглянула сеньора. Она отыскала меня в шкафу среди вороха платьев. «Тебе надо поесть, – сказала она, ставя на кровать поднос с едой. – Выходи, не упрямясь». Её голос звучал на удивление мягко.

Забившись в угол и зарывшись в тряпки, я следила оттуда за движением её рук. Она неторопливо намазывала маслом гренки, мешала ложкой сахар в чашке.

«Пообещай мне одну вещь, Джованна, – пальцы Маргарет, державшие нож, на секунду застыли. – Пообещай, что никогда не забудешь об этом... – но уже в следующее мгновение острое лезвие ловко вонзилось в ананас и молниеносным движением отсекло верхушку. – Тебе нужно быть очень умной и послушной девочкой. И ждать своего часа. А когда он придёт, ты отомстишь. И за себя, и за меня».

От фразы «послушная девочка» меня начало трясти.

После этого случая мы не виделись с доном Амаро несколько недель. Я даже начала думать, что он куда-то уехал. Но, услышав в коридоре его голос, я догадалась, что он попросту избегает меня.

То, что обо мне не забыли, я поняла, когда мою комнату с методичным постоянством стали заваливать подарками: игрушками, сладостями и новыми нарядами. Сначала я отказывалась на них даже смотреть. Потом любопытство пересилило, и я развязала ленту на одной из коробок.

Помимо этого мои покои обставили с такой роскошью, словно они предназначались для маленькой принцессы: на фазенде дона Амаро они занимали целое крыло. Ко мне в услужение приставили горничную-француженку, которая являлась по первому зову днём и ночью. Были

---

³² В мифологии – призрак невесты, не дожившей до свадьбы, чья душа не может упокоиться после смерти.

наняты лучшие учителя. В конюшне дона Амаро у меня был собственный вольер, где содержался мой личный пони.

Так началась моя странная жизнь в этом странном доме.

...Поместье сеньора Меццоджорно было одним из самых крупнейших в стране – около двух тысяч акров земли, на которой произрастала лучшая бразильская гевея. Однажды мне пришлось объехать его целиком вместе с доном Амаро – такой обширной территории, принадлежащей одному хозяину, мне впоследствии никогда больше видеть не доводилось.

– Завтра, Джованна, нужно будет проснуться пораньше: ты поедешь со мной на плантацию. Хочу показать тебе мои плачущие деревья, – как-то раз во время ужина скомандовал он.

Моему удивлению не было границ:

– А они, что, правда, плачут?..

Губы Маргарет скривила усмешка:

– Все, кто общается с ним, плачет.

– Ты можешь остаться дома, – холодно ответил ей дон Амаро.

– С превеликим удовольствием.

– А ты, Джованна, надень дорожный костюм. Мы поедем верхом.

...Утром, ни свет ни заря, едва я успела торопливо одеться и наскоро проглотить завтрак, опекун, схватив меня в охапку и посадив впереди себя на лошадь, повёз показывать свои земли. Когда мы отъехали от фазенды, дон Амаро спросил, знаю ли я, почему его называют каучуковым королём. Я пожала плечами. Он указал рукояткой хлыста куда-то вдаль, где опалово-зелёная лента бархатной струйкой воспаряла в небесную высь: «Видишь эти леса? Все они принадлежат мне».

Мы спустились со склона к ближайшей роще. И тут я заметила между белесых стволов снующие туда-сюда смуглые обнажённые спины. Жара стояла убийственная, поэтому многие работали нагишом, обмотав бёдра тряпкой. Одни мужчины делали на коре зарубку, другие прикрепляли к дереву сосуд, похожий на небольшой горшочек, в который начинало стекать вязкое матовое молочко.

– Знаешь, что это такое? – дон Амаро кивком головы указал на белые слёзы.

– Смола, – неуверенно ответила я.

– Это не просто смола, Джованна, это латекс.

Я наморщила лоб, услышав незнакомое слово.

– Ты знаешь, из чего сделана подошва на твоих сапожках?

Я, вытянув ногу, придирчиво оглядела мысок сапога, а потом перевела ошарашенный взгляд на дерево.

– Но ведь это же резина!

– Резиной он станет после специальной обработки. Я возьму тебя на завод, там ты всё сама увидишь. А теперь посмотри, как правильно делать насечки. Это целое искусство, Джованна. Если относиться к деревьям бережно, они послужат тебе ни один год. К сожалению, не каждый это понимает. Потому-то в округе уже давно повырубили все леса. Я единственный на всём побережье плантатор, кто думает не только о сегодняшнем дне. Остальные – варвары.

Дон Амаро пояснил, что надрезы на дереве нужно делать в полночь. А рано утром, до восхода солнца, собирать набежавший за ночь млечный сок. Однако чтобы производство каучука не останавливалось ни на минуту, работники на его фазенде трудились круглосуточно. Я, внимательно слушая его, разглядывала избородённые шрамами деревья.

– Если сутками работать, то когда спать? – спросила я.

Дон Амаро нахмурился.

– Не о том думаешь, Джованна. Сегодня мы заедем в банк. Я покажу тебе, о чём надо думать.

Он пришпорил лошадь. Мы поскакали дальше. Со всех сторон до нас доносился треск древесной коры, на которой делались надрезы. Он сопровождался глухим оханьем коричневых от загара людей: когда топор вонзался в дерево, из их груди вырывались сдавленные, похожие на хрипы, стоны. Некоторые из них падали на колени, точно переломленная надвое спичка. Но их тут же поднимали надсмотрщики ударами плети.

Я была в ужасе:

– За что они их бьют?!

– А как иначе заставить этих бездельников работать? – отозвался дон Амаро. – Если хочешь, чтобы тебе повиновались, нужно быть жёстким.

Подскакав к длинному навесу, мы увидели стоящие под ним ёмкости, плотно прижатые друг к другу. В каждую доверху был налит латекс. Дон Амаро сказал, что в одной такой ванночке содержится суточная норма сока, собранная с двадцати-тридцати деревьев. Тут же рабочие на небольших столах раскатывали деревянными валиками мягкие эластичные лепёшки; исторгнутая из белёсой массы вода стекала по металлическому скату на землю. Неподалёку тлели разведённые костры, на которых работники просушивали собранные на палку полоски сырого каучука. Они сидели на корточках, держа в руках и поворачивая на дыму небольшую деревянную лопатку, вырезанную в виде весла, которую обмакивали в сосуд с соком гевеи. Когда вода испарялась и вокруг лопатки образовывалась тонкая плёнка, они снова макали её в горшок и коптили. И так до тех пор, пока вокруг палки не возникал большой ком. Здесь же на расстеленной парусиновой материи лежали целые ленты прокопчённого готового сырья.

Мы обогнули вереницы повозок, нагруженных огромными брезентовыми тюками, которые лениво тащили неповоротливые мулы. Землю размыли недавние ливни, и она чавкала под копытами животных. Колёса то и дело застревали в колдобинах, вязли в буром месиве.

Всюду, точно муравьи, копошились люди. Они едва стояли на ногах и шатались, как пьяные. Их лица выражали полную апатию и уныние. Едва кто-то останавливался, чтобы перевести дыхание и собраться с силами, как его руки инстинктивно начинали расчёсывать тело, на котором повсюду вспухли мокрые волдыри. Меня едва не стошнило, когда я увидела, как один мулат выдавил пальцами из покрасневшего, зудящего места на груди маленького липкого червячка.

Потом я слышала монотонную, унылую, похожую на плач, песню. Здесь работали индейцы. Когда-то мать рассказывала мне, что это был гордый, свободолюбивый народ. Сейчас от них остались только понурые, угрюмые тени с продетой в нижнюю губу серьгой и горсткой перьев на включенных космах.

Вскоре перед нами замаячили грубые строения барачков. Вспыхивали желтизной соломенные крыши. Пестрело развешенное на верёвках тряпье. У дороги возились дети. Они смотрели на нас большими выпученными глазами, в которых навечно застыла пустота. У каждого из них на шее красовался крупный мясистый нарост. Я невольно прижала руку к горлу: зобом страдал один из моих младших братьев, и потому одна только мысль об этой болезни ужасала. Помню, как мать старалась успокоить: «Не бойся, глупенькая, у меня же его нет, и у тебя не будет...». Но я всё равно не могла победить смешанный с отвращением страх...

Неподалёку располагалось здание администрации – просторный деревянный дом с жестяной кровлей. У крыльца стояли две конуры, возле которых рвались на цепи свирепые лохматые псы. Рядом храпели привязанные лошади. В небольшом, огороженном стволами бамбука, загоне вырывали друг у друга обглоданные кукурузные початки свиньи. Сверху, сидя на колышках, хлопали крыльями куры.

Навстречу нам выбежал управляющий – низкорослый щуплый человек с хищным выражением лица: «Моё почтение, сеньор!». Увидев во дворе привязанного к столбу мужчину с кро-

вавыми рубцами на спине, которого густо облепили мухи, я зажмурилась. Дон Амарио заметил мою реакцию.

– Не нужно жалеть его, Джованна. Это вор. Он собирал сок в кисет, сгущал его на дыму, припрятывал в тайнике под листьями, а потом продавал чистейший каучук. За это преступление любой другой плантатор отрубил бы ему руки и прибил их гвоздями к дереву. Я же ограничиваюсь поркой.

– У сеньора Мещоджорно очень доброе сердце, – услужливо выгнул спину управляющий; его маленькие пытливые глазки забегали, как два юрких зверька.

– Что верно, то верно, Перейра, – согласился дон Амарио. – Ты нашёл тех, кому он сбывал каучук?

– Пока ещё нет, сеньор, но я ишу, и очень скоро, уверен, они понесут суровое наказание.

– Если завтра к вечеру не найдёшь сообщников, окажешься на его месте.

– Слушаюсь, сеньор.

И тут случилось неожиданное. Из барака выбежала растрёпанная, оборванная женщина и кинулась под копыта нашей лошади. Дон Амарио, натянув поводья, выругался.

– Пощадите моего мужа, сеньор! Мой Мигель не преступник! Он ничего не крал!

– Убери её Перейра!

Управляющий стегнул несчастную кнутом по плечам, но она извернулась и снова бросилась к нам.

– Нам нечем кормить детей! Не оставляйте их без отца! – растопыренные грязные пальцы женщины пытались поймать сапог хозяина.

Дон Амарио рассерженно отпихнул её ногой:

– Чёртова ведьма! Пошла прочь!..

Женщина упала на землю и в бессильной злобе, сбивая руки в кровь, замолотила по ней кулаками:

– Будь ты проклят, Амарио! Будь ты проклят, мерзкий упырь!..

На её худющей, изжёванной шее прыгал маленький крестик из чёрного дерева – точно такой же носила моя мать.

Перед тем, как мы скрылись за поворотом, я видела, как управляющий замахнулся на неё плеткой.

Эта сцена произвела на меня ошеломляющее впечатление. Я почувствовала, что задыхаюсь. Дону Амарио пришлось останавливаться, чтобы я пришла в себя. «Мерзкий упырь, – сжимая кулаки, повторяла я про себя, – мерзкий упырь!».

...По вытоптанной просеке мы снова отправились на плантацию. Под одним из деревьев, на ворохе листьев бился в предсмертных судорогах покрытый гнойными язвами человек. Из последних сил умирающий пытался отогнать мошкар. Дон Амарио, скользнув по нему беглым равнодушным взглядом, продолжал делать наставления:

– Запомни, Джованна, в делах друзей нет и быть не может. Никому не доверяй. Полагайся только на себя. И тебе не придётся сожалеть о том, что кто-то тебя предал.

...Слушая его слова, я и не представляла тогда, что они навсегда врежутся в память, загустеют в ней, как скорпион в янтаре, и станут частью моей судьбы. Но случилось именно так. Помню, как однажды Маргарет, наблюдавшая за мной, мрачно изрекла: «Ты внимаешь каждому его слову. Он сделает из тебя чудовище». Так и вышло.

Впрочем, она была ещё одним человеком, оказавшим на мою жизнь своё роковое влияние. Именно она посеяла в мою душу семена распада и тлена. Занесла их туда, как бактерии заразной болезни.

Мы часто беседовали. Точнее, она говорила, а я – слушала. Её длительные монологи походили на бред сумасшедшего. Как правило, она рассказывала мне свои необычные сны. Поразительно, что она помнила их до мельчайших подробностей. А может, они и не являлись сновидениями, а то была какая-то замаскированная под ореол Морфея, причудливая философия, в которой она не желала напрямую признаться.

Эти излияния сопровождались обильным потреблением алкоголя. В такие моменты я смотрела на неё во все глаза. Стоило Маргарет выпить, и она менялась до неузнаваемости. В ней словно просыпался и выходил наружу совершенно другой человек.

В один из вечеров, когда ей заблагорассудилось быть словоохотливой, она напугала меня до полусмерти.

Сначала она была спокойна. Её привычная отстранённая замкнутость сменилась умиротворенной расслабленностью.

«Сегодня ночью мне приснилось, будто я снова в Европе. В одном маленьком ресторанчике в центре Лондона, – говоря это, женщина чувственно поглаживала стенки бокала. – На мне длинное платье из лёгкой полупрозрачной материи. Я танцую одна в полумраке. Мне хорошо... – её лёгкие невесомые пальцы переключались с хрустала на обтянутую шёлком грудь. – В это время в зал входит пара: он во фраке, она – в белоснежном бальном платье. Оба чопорные, строгие. Звучит Шопен. Он и она танцуют, – закрыв глаза, она запрокинула голову: с её плеч на спину заструились льняные локоны. Я любовалась игрой теней, скользивших по пепельному каскаду – в нашей знойной местности нечасто можно было встретить блондинку, и Маргарет производила впечатление экзотической диковинки. – В зал ворвались ещё двое – шумные, необузданные. Они хохотали во всё горло... – прищёлкивая пальцами, Маргарет начала кривляться, дёргаться и напевать что-то джазовое; при этом она совершала множество хаотичных, произвольных жестов, отчего вскоре её причёска пришла в беспорядок, а содержимое бокала пролилось на одежду. – А потом между танцующими завязалась потасовка... Они вопили, свистели, улюлюкали... Я металась между ними. В моих ушах стоял гвалт... Затем все разом куда-то исчезли...» – зябко поведя плечами, будто ей было холодно, она стиснула пальцами виски, как при мигрени; из её стиснутых зубов вырвался хлюпающий свист.

Меня напугала эта нервическая пантомима, и я начала оглядываться в поисках дона Амарио или хотя бы кого-нибудь из слуг. Но мы были в комнате одни.

Женщина, плеснув в бокал новую порцию вина, прикончила его несколькими жадными глотками и налила снова. Спиртное придало ей сил. Её голос снова сделался внятным.

«И тут помещение окутал туман – плотный, непроницаемый. Если в такую мглу судно выйдет в море – его ждёт смерть... Но я не боюсь – я родилась в стране туманов... Господи, неужели я с самого начала была обречена?.. Нет, не верю!.. Я была такой молоденькой и наивной... Я никому не причинила зла... Мне просто хотелось жить... Я тогда ничего не боялась... Постой, что же дальше? Ах, да!.. Кругом ни души... В это время слышу голос: «Помни о чести семьи! Не забывай о правилах приличия! Положение в обществе обязывает тебя соблюдать благоразумие!»... «Честь семьи», «положение в обществе!» Ха-ха-ха!.. Какая замшелость, какой нафталин... Ханжи! Лицемеры!.. Меня тянет к другому голосу: «Ну же, Маргарет, брось ломаться! Жить надо весело!.. Выпей с нами, вино превосходно!»... Он называл меня малышкой Мэгги... Мы танцевали аргентинское танго... всю ночь... Господи, как я была счастлива! Эта была лучшая ночь во всей моей никчёмной жизни... Будь она проклята!.. Больше не хочу любить... Это иллюзия: жестокая и горькая... Ты отдаёшь без остатка всё, что у тебя есть, а взамен получаешь плевок в лицо... Мне нужно забыть его!.. Мне нужно выпить... – из груди Маргарет вырывалось тяжёлое, прерывистое дыхание. Её зажмуренные веки подрагивали. На лбу выступили крупные капли пота. Видно было, что её морозит. Прошло несколько долгих минут, прежде чем она снова начала говорить. – И тут ко мне со всех сторон

начинают тянуться руки... Такие костлявые скрюченные пальцы... точно коряги на болоте... старые, трухлявые... Подожди, о чём это я?.. Ах, да, коряги... Я как в трясине... пытаюсь вырваться, но не могу... А они зажимают меня в кольцо, обхватывают и душат!..» – пронзительный крик женщины смешался со звоном треснувшего и разлетевшегося вдребезги бокала, который продавили её пальцы. По её ладони потекли красные струйки, в которых соединились кровь и вино, но она даже не заметила этого.

Я дрожащими руками вытирала забрызганное лицо и с ужасом думала о том, что осколки могли попасть в глаза.

«И тут – среди хаоса и мрака – появляется фигура в белом, подаёт мне руку и уводит прочь. Я иду за ней, как слепой за поводырём, как странник за звездой путеводной...».

В ту же секунду на стол, за которым я сидела, с дребезжащим звоном упала серебряная табакерка. Мы с Маргарет, вздрогнув, наткнулись взглядом на дону Амаро, появившегося в комнате незамеченным.

– Про эту путеводную звезду ты говоришь? – насмешливо произнёс он.

Маргарет подхватила табакерку и прижала её к груди:

– Я всё утро искала её... – в голосе женщины одновременно слышится упрёк и облегчение. – О! Как же это я так неаккуратно... – её губы скривила болезненная гримаса. – Джованна, крошка, я, верно, перепугала тебя своими бреднями, на тебе лица нет, – осмотрев израненную руку, она обмотала её платком.

– Мне не нравится, когда ты так напиваешься, – сквозь зубы проговорил дон Амаро; я начала коситься на дверь.

– Я знаю, прости, – машинально сказала женщина.

– Ты отвратительна в таком состоянии!..

– Конечно, милый, прости, пожалуйста... – женщина, раскрыв табакерку, высыпала на ладонь белый порошок.

Дон Амаро ударил её по руке:

– Перестань, прошу тебя!

Маргарет вскочила. Её глаза налились кровью. Тело трясло.

– Что тебе от меня нужно?! Кто ты такой, что постоянно лезешь в мою жизнь?! Я говорила, что у нас ничего не выйдет! Я предупреждала тебя – ты не слушал! Я не лгала, я была честной с тобой!.. Зачем ты меня сюда притащил? Я ненавижу эту жару! Я здесь задыхаюсь! Я ненавижу эту проклятую страну!..

– Всё сказала? – дон Амаро щедро плеснул в свою рюмку бурбон.

– И тебя ненавижу!

– Ну, конечно, ты меня ненавидишь... А теперь хочешь, я скажу тебе, где бы ты сейчас была!.. Ты кичишься своей голубой кровью, а я взял тебя, словно девку с панели! Ты готова была отдаться любому за понюшку морфия!.. Если б не я, ты давно бы сгнила в сточной канаве!

– А тебе не приходило в голову, что мне могла нравиться такая жизнь? Что я могла сознательно опуститься на самое дно? У меня были на это свои причины. По какому праву ты возомнил себя моим спасителем? От тебя кто-нибудь требовал такой жертвы? Никто! Я никогда не нуждалась в твоей заботе! Ты навязал её мне!

– Ну, да, ты нуждалась только в моих деньгах...

– Если я захочу уйти от тебя, меня и деньги не удержат!

– Ещё бы, ты всегда их сможешь заработать... У тебя отличная выучка. Дорогостоящая.

Маргарет ударила его по лицу. На мгновение мне показалось, что он сейчас убьёт её, но дон Амаро лишь отвёл взгляд в сторону и процедил:

– Ты не меня... ты себя ненавидишь...

Маргарет внезапно сникла.

– Прости... – из её глаз потекли слёзы. – Бога ради, прости...

Силы оставили её. Она покачнулась. Если бы он не подхватил её, она упала бы на пол.

– Мне нехорошо... – с трудом ворочая языком, прошептала женщина. – Помоги, Амаро... Дай порошок...

Он оттер с её лба крупные капли пота.

– Позволь отвезти тебя в клинику... Я слышал, немецкие врачи делают настоящие чудеса...

– Иди к чёрту со своей клиникой! Я никуда не поеду!

– Это может плохо кончиться.

– Мне наплевать!

Повиснув на руках дона Амаро, Маргарет обвела невидящими полубезумными глазами комнату. Её взгляд споткнулся о мою съёжившуюся фигуру, забившуюся в угол между стеной и роялем. На губах женщины вспыхнуло тусклое подобие улыбки.

– Маленькая глупышка... испуганная и робкая... С ней ведь проще, чем со мной, да?.. Не надо оправдываться или что-то объяснять... Разве домашнему животному что-то объясняют?

– Джованна, ступай в свою комнату, – приказал дон Амаро.

– Да, детка, иди к себе... не забудь только оставить открытыми двери спальни... Папочка скоро тебя навестит...

– Что ты несёшь!

– Никаких требований, никаких претензий... Сама покорность... Мечта, а не женщина, верно?.. Что ты только будешь делать, когда она подрастёт и захочет перерезать тебе глотку?

– Джованна, выйди вон! – заорал опекун. – Ты что, оглохла?!

Я бросилась за дверь.

Такие сцены повторялись в нашем доме почти каждый день. Сначала они казались мне дикими, но потом я привыкла к ним и перестала обращать на них внимания. Иногда, правда, доходило до чудовищных эксцессов: Маргарет хваталась за нож и даже несколько раз пыталась перерезать себе вены, а дон Амаро снимал со стены ружьё и грозился её застрелить, но в целом ничего страшного не происходило: выпустив пары, осыпав друг друга градом упрёков и оскорблений, они мирились. Лишь однажды, после очередной ссоры, когда Маргарет кинулась в свою комнату собирать чемоданы, а мы с опекуном остались наедине, он угрюмо изрёк: «Видишь, как бывает, Джованна... Ты встречаешь человека, преисполнен самых радужных надежд. И самонадеян настолько, что рассчитываешь прогнать всех его демонов. А потом с тобой происходит то, что и должно произойти с глупцом – эти демоны начинают сжирать тебя. Это порочный заколдованный круг. Из него есть только один выход – передать эстафету страданий другому... найти новую жертву и сделать её ещё более несчастной, нежели ты сам... Ты понимаешь, о чём я говорю, дитя? Понимаешь. Из-за тебя я буду гореть в аду»... В тот вечер Маргарет от нас никуда не ушла – дон Амаро остановил её. Но однажды это всё-таки случилось.

Мы втроём отправились в круиз на большом морском лайнере. Этот вояж был спровоцирован ультиматумом Маргарет, заявившей, что местный климат её убивает. Дон Амаро, обычно игнорировавший её жалобы, на этот раз поразительно быстро согласился на путешествие. Я же была только рада перемене места.

Днём я, как правило, отсиживалась в каюте: раздражала царившая на палубе сутолока и назойливая болтовня праздно шатающихся пассажиров. Зато вечером можно было остаться наедине с собой и помечтать. Дон Амаро ненадолго отпускал меня побродить по пустынной палубе. Я была в восторге от невиданного доселе пейзажа: холодное, как сталь, небо излучало струившийся серебристый блеск, на фоне которого резко, будто вырезанные острым ножом, выделялись чёрные очертания мачты, труб и канатов. Звёздный свет, рассекая мрак, сливался с тусклым сиянием фонарей. Слышался глухой стук машины и плеск воды.

В один из таких поздних вечеров ко мне подошёл мужчина. Я видела его на палубе и раньше, когда он, сидя в шезлонге, со скучающим видом листал журналы и курил.

– Вам не скучно всё время смотреть на воду? – обратился он ко мне по-французски.

К тому времени мои познания в языке были уже настолько прочными, что я могла ему вполне сносно ответить:

– Что вы, месье, море такое красивое.

– Вы путешествуете с родителями?

Этот вопрос застал меня врасплох. Мои отношения с опекуном и его любовницей были настолько странными, что я даже не пыталась их анализировать.

– Да, месье, – замямвшись, ответила я.

– Не стоит задерживаться на палубе, мадмуазель. Становится прохладно. Простудитесь. Поклонившись, он удалился.

На следующий день мы снова встретились в ресторане. Он кивнул мне, как старой знакомой. Маргарет, перехватив мой взгляд, взглянула за соседний столик. Из её рук выпала вилка.

Дон Амаро заметил её внезапную бледность:

– Тебе нездоровится?

– Да... мне нездоровится... – пробормотала Маргарет и выскочила из-за стола.

Опустив голову, я лениво поковыряла в тарелке. Дон Амаро сделал мне замечание:

– Нет-нет, дорогая, для этого блюда есть специальный нож...

В эту минуту за соседним столом кто-то громко воскликнул: «Господа, последние новости! В Сараево застрелен эрцгерцог Франц Фердинанд!³³». Все глаза обратились к пожилому джентльмену с газетой. Кто-то даже подошёл к нему, заглянул через плечо и тут же отшатнулся: «Боже правый, какое зверство!.. Убита и супруга эрцгерцога...». Известие на первой полосе вызвало всеобщий переполох, со всех сторон послышался сдержанный шёпот: «Какой ужас!».

Я прислушалась к словам пожилого мужчины, читавшего вслух передовицу.

– А кто это такие – террористы? – спросила я у дона Амаро.

– Бездельники, – отрезал он. Его задумчивый взгляд был устремлён куда-то вдаль. – Я вижу начало большой игры... Нам нужно увеличить производство каучука...

В тот же день он объявил нам с Маргарет, что мы возвращаемся в Баию. Ни одна из нас не показала виду, но мы обе были расстроены.

Маргарет вообще вела себя странно: то впадала в какую-то прострацию и по несколько часов не произносила ни слова, то принималась смеяться без всякого повода. Она много курила. Подолгу крутилась перед зеркалом, примеряя то одно, то другое платье. На её губах появилась ярко-красная помада. Как только дон Амаро отправился на палубу подышать свежим воздухом, она кинулась ко мне.

– Ну же, говори, он расспрашивал обо мне? Что он тебе сказал? Ты не наболтала глупостей?

– Кто? – я не могла взять в толк, о ком она говорит.

– Джованна, не мучь меня! Говори как есть!

– Я вас не понимаю, сеньора.

– Прекрати надо мной издеваться!.. – я, опасаясь пощёчины, попятилась в угол: мне часто доставалось от Маргарет, когда они с опекуном ругались, всё своё раздражение женщина вымещала на мне. – О, боже мой!.. Извини... Скажи мне правду, крошка... Вы говорили обо мне с тем господином?.. Ты поздоровалась с ним за завтраком...

– Нет, сеньора, мы о вас не говорили.

– Не лги мне, Джованна!

---

³³ 28 июня 1914 года наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена София погибли в Сараево от рук сербского террориста. Убийство стало поводом для начала Первой мировой войны 1914—1918 годов.

– Я не лгу. Мы познакомились с ним вчера. Он спросил, нравится ли мне море, и я сказала – да. Больше ничего.

– И всё? – в широко распахнутых глазах Маргарет было столько напряжения, что я испугалась.

– Он спросил, с кем я путешествую, я сказала – с родителями.

– С какими родителями?! Что за чушь! Ты нарочно это выдумала?

– А что я должна была сказать? – ощутив неожиданный приступ злости, бросила с вызовом я. – Что мне вообще следует отвечать в таких случаях?

– Ну да... конечно... всё правильно... – растерянно согласилась Маргарет и без всякого перехода – с кокетливой улыбкой. – Как я выгляжу? Не слишком бледная? Может, добавить румян?

– Нет, не нужно, вы выглядите чудесно, сеньора.

Этот ответ её устроил. Подхватив белый газовый шарф, она выскользнула из каюты.

...После ужина я вышла на палубу, чтобы в последний раз взглянуть на море. Дон Амаро уже сообщил нам, что рано утром мы сойдём с корабля в ближайшем порту и отправимся домой.

Ночь была тёмная, облачная. Шёл холодный косой дождь. Я прижалась к стене рубки, чтобы не замочило. В это время до меня донёсся тихий, похожий на всхлипывание, вздох. Повернув голову, я увидела Маргарет. Она стояла у борта, слегка поддавшись вперёд и подставив лицо мелким солёным брызгам. Её шёлковое платье было влажным. В волосах крошечным бисером блестели капли. Ветер терзал на плечах газовый шарф, трепетавший в сумрачном свете, точно призывный белый стяг.

– Джованна... – не оглядываясь, негромко позвала она.

Мне не хотелось к ней подходить – я боялась, что меня тут же зальёт водой.

– Он не узнал меня... – она рассмеялась страшным полубезумным смехом. – Господи, Джованна, он даже не смог меня вспомнить!..

– Я хочу вернуться в каюту, здесь прохладно.

Она не отвечала. По её вздрагивающим плечам я не могла понять – ей холодно, или она плачет.

– Я принесу вам плащ, сеньора.

...Когда я вернулась, её на прежнем месте уже не было. Лишь белый шарф, зацепившийся за поручень, рвался в море. Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Я бросилась к дону Амаро и начала сбивчиво объяснять ему, что произошло. Его глаза потемнели. Он, схватив меня за плечи, затряс, закричал что-то невнятное... Они с боцманом обшарили весь корабль, заглянули в каждый закуток. Даже спускали на воду спасательную шлюпку. Маргарет найти не удалось... На следующий день мы с доном Амаро отправились в Баию. Вдвоём. Ни о Маргарет, ни о том, что произошло, мы по негласному сговору больше разговор не заводили, точно она и не существовала вовсе.

...Жизнь снова потекла своим чередом. Дон Амаро целыми днями пропадал на плантациях. У него заметно прибавилось хозяйственных забот. Война, в которую ввязалось полмира, заставила и моего опекуна, и всех его работников возвращаться в каком-то бешеном ритме. Но он не жаловался на усталость, напротив, говорил, что чувствует необычайный подъём: никогда ещё каучук не стоил так дорого, а рабочая сила, благодаря эмигрантам, не была такой дешёвой.

Беженцы потоком ехали со всей Европы. Очень скоро их стало негде размещать, но они собственноручно возводили посёлки по окраинам наших земель и селились там, а к нам нанимались работать за сущие гроши.

...Он приехал вместе с другими переселенцами. Управляющий определил его на конюшню – чистить навоз. Но не прошло и пары дней, как случилось одно происшествие, которое мгновенно подняло его не только в глазах Перейры, но и самого дона Амаро.

Дело было так. Опекун, намереваясь осмотреть купленных недавно лошадей, взял и меня с собой для компании. Мы стояли у загона, ожидая, когда конюх отопрёт нам ворота. И тут раздалось дикое ржание, и на нас понеслась густая туча пыли. Приоткрытый было вольер тут же заложили толстыми жердями, чтобы жеребец не вырвался на волю. Он промчался мимо нас, сотрясая копытами землю. И начал выписывать по загону бешеные круги. К нему с арканом устремился конюх. Но петля лишь просвистела мимо его шеи. Другие попытки были такими же неудачными.

В эту минуту из-под навеса выбежал новый работник. Перехватив у конюха аркан, он ловко, в первого же раза накинул его на взмыленную шею коня. Тот с гневным хрипением взмыл на дыбы и начал рваться изо всех сил. Но мужчина крепко держал натянутую верёвку. Непокорное животное, задыхаясь, делало отчаянные попытки высвободиться. И, наконец, в изнеможении рухнуло наземь. Новый работник поднял его ударами хлыста, а потом невозмутимо надел на него шоры и седло. Покорённый жеребец дрожал мелкой дрожью.

Дон Амаро заплодировал.

– Хорошая работа, парень! – он жестом велел ему подойти. – Как тебя зовут?

Отгирая со лба пот, к нам приблизился высокий темноволосый мужчина. На нём были стоптанные сапоги, рваные штаны и пожужканная фетровая шляпа, но держался он с завидным достоинством, а зелёный шейный платок, вздыбившийся из-под ворота белой холщовой рубахи с широкими рукавами, завязанной узлом на поясе, и вовсе придавал ему щеголеватый вид. Прищутив глаз от слепящего солнца, он с сильным нездешним акцентом проговорил:

– Рамон Касарес, сеньор. Я из Каталонии³⁴.

Опекун одобрительно кивнул.

– С этого дня назначаю тебя главным конюхом. Справишься?

Рамон Касарес снисходительно ухмыльнулся:

– До войны я был матадором.

В это мгновение он посмотрел на меня...

«...Любовь – это то, что станет твоей бессонницей», – сказал однажды дон Амаро. Он оказался прав. Увидев Рамона Касареса, я потеряла сон...

...Необратимое, парализующее и ускользающее чувство. Оно накидывается на тебя, как ночной кошмар на спящего ребёнка, захватывает и подчиняет своей воле, а потом вдруг в один миг пропадает; поутру ты оглядываешься по сторонам, видишь в углах комнаты лишь обычные предметы, утратившие с первыми лучами солнца свою колдовскую пугающую силу, и сбрасываешь сковавшее тебя оцепенение. Но где-то в глубине подсознания навечно поселяется крошечный призрак, оставленный на память ночными страхами, который может преследовать годами, а может и не тревожить вовсе: тут уж как ему заблагорассудится, он живёт своей жизнью, он неуправляем... Это как скарлатина, которой переболел в детстве – ты и думать забываешь о ней за давностью лет, но она навсегда срывает твой голос, а дальше, как бы ты не силился запеть, можешь только хрипеть и завидовать тем, с кем болезнь обошлась менее жестоко...

Это наваждение длилось долгие пять лет. Он не обращал на меня никакого внимания. Если нам случалось столкнуться у ворот кораля³⁵, к которому меня неудержимо влекло, Рамон, приподняв шляпу и буркнув краткое приветствие, тут же стремительно проходил мимо. А ино-

---

³⁴ Область в северо-восточной части Испании.

³⁵ Загон для скота.

гда недовольно добавлял: «Не крутились бы вы тут, сеньорита, а то чего доброго платьице испачкаете». В его обращении не было и тени почтительности, что меня крайне изумляло, поскольку я уже привыкла к раболепию остальных слуг. Напротив, в интонациях сквозила подчёркнутая небрежность, граничащая с грубостью...

До встречи с ним мне никогда никто не нравился настолько сильно. Да, впрочем, мне и не в кого было влюбляться: все, кто меня окружали, были либо неказистыми оборванцами с плантации, забитыми и затюканными, не вызывавшими ничего, кроме жалости и сострадания, либо напыщенными господами из числа знакомых моего опекуна, которых я побаивалась и избегала. Рамон Касарес выгодно отличался от всех, кого я знала.

Бывший матадор, он привык к вниманию публики, приходившей на корриду поглазеть на него, главного героя кровавого зрелища. В каждом его жесте была уверенность человека, осознающего силу своей привлекательности и умевшего ею пользоваться. За Рамоном прочно закрепилась слава сердцеда.

Но я для него будто не существовала... Когда дон Амаро подарил мне на семнадцатый день рождения превосходного вороного скакуна, и я в первый раз отправилась на нём на прогулку, Рамон, помогая мне сесть в седло, негромко проронил стоявшему рядом кучеру: «Такого жеребца отдать на забаву девчонке!..». В его голосе было столько возмущения, что я опешила. Мне ничего не осталось, как сделать вид, будто я ничего не слышала.

...Разглядывая в зеркало своё отражение, я задавала себе вопрос – неужели я настолько безобразна, что могу вызывать в нём только отвращение? В семнадцать лет мне хотелось верить в то, что я могу нравиться. Тем более, что ему, похоже, нравились все женщины в округе. За исключением, разумеется, меня.

...Однажды мне случилось быть свидетельницей одной безобразной сцены, связанной с Рамоном...

Каждая уборка урожая на плантации традиционно завершалась танцами и гуляниями. Это обычай в наших краях завели беженцы. Как только заканчивались очередные хозяйственные работы, они надевали свои национальные костюмы, брали в руки гитары и выходили на улицу. К ним присоединялись индейцы с мараками³⁶, выделанными из высушенной тыквы, и фатуто³⁷ – небольшими деревянными рожками.

Дон Амаро эти празднества не посещал, но и не препятствовал им. Меня он отпускал в посёлок исключительно в сопровождении своего верного пса, управляющего Перейры, который не отходил ни на шаг. В последнее время дон Амаро изводил меня слепой, беспочвенной ревностью. Его подозрительность не знала границ: в каждом поселковом парне ему мерещился очередной мой любовник. Стоило нам остаться с ним наедине, как он начинал изрыгать оскорбления, при этом не забывая подчёркнуть, что я ему всем по гроб жизни обязана. Зная, что он всё равно не поверит ни единому моему слову, я, как правило, молчала в ответ на эти несправедливые и незаслуженные упрёки. Откровенно говоря, его брань для меня была более терпимой, чем ласки, от которых мутило... Даже теперь, когда минуло столько лет, одно воспоминание о них вызывает во мне тошноту... Праздник урожая, устраиваемый испанскими переселенцами, был единственной отдушиной, светлым лучиком, пробивавшимся на закопчённую стену сквозь толстые тюремные решётки.

---

³⁶ Музыкальный инструмент, напоминающий погремушку, при потряхивании издающий характерный шуршащий звук; в русском языке название инструмента обычно употребляется в мужском роде – маракас.

³⁷ Музыкальный инструмент.

...От смуглых черноглазых испанок невозможно было оторвать глаз. Облачившись в длинные разноцветные платья, украшенные воланами, они изящно поигрывали шалью с длинными кистями: то лихо закручивали её вокруг стройного стана, то грациозно набрасывали на плечи. Я как завороченная следила за дробным перестуком каблуков, страстным и выразительным движением рук, распахивающим веер, подобно крыльям большой птицы, взлетевшей в вихре кружев. Мужчины награждали танцовщиц громом аплодисментов. Как только им удавалось увидеть чёрную подвязку на чулке, обнажившуюся при взмахе ноги, они начинали дико хохотать и свистеть. Многие уже были пьяны.

Какой-то менсу попытался угостить меня пивом и тут же получил зуботрещину от Перейры: «Разуй глаза, скотина! Не видишь, кто перед тобой!»... Я, воспользовавшись тем, что мой конвой отвлёкся, шмыгнула между танцующими и затерялась в толпе.

...Рамона я нашла рядом с подмостками, где расположились музыканты. Он самозабвенно целовался с какой-то красоткой. Красноватые отблески фонарей играли на их лицах.

Я не успела спрятаться. Меня заметили. Девушка, смеясь, что-то прошептала на ухо Рамону. «Уже не знаю, куда от неё деться! – процедил он сквозь зубы. – Ходит по пятам, как привидение!».

И тут к ним подскочила ещё одна девица и бесцеремонно оттащила подружку Рамона за локоть. «Эй, ты, шлюха, – пронзительно завопила она, – я тебе покажу, как парней отбивать!»

В ту же минуты женщины вцепились друг дружке в волосы. На их щеках и шеях багрово вспыхнули многочисленные тонкие полоски. При этом обе визжали, как резанные, и выкрикивали грязные ругательства. Изодранные оборки их платьев волочились куцыми лоскутами и втаптывались в землю.

Мужчины, хохоча во всё горло, подначивали противниц. Кто-то из музыкантов крикнул: «Бабы воюют! Вот потеха!» Рамон, увлечённый захватывающим поединком, смеялся вместе во всем. Вдруг одна из женщин схватила другую за длинную неаполитанскую серьгу, свесившуюся из уха огромной золочёной бляхой, и что есть силы дёрнула. Её соперница взвыла и выдрала у обидчицы клоч волос...

Их разнял Перейра. «А ну прекратите, сукины дочери! – рявкнул он. – Кнута захотели отведать?!». Оборванные, грязные, пышущие злобой женщины, наконец, разошлись. Заметив меня, управляющий обратился ко мне с той же интонацией: «Ах, вот вы где, сеньорита! Прогулка окончена. Мы идём домой».

На следующий день я сказала дону Амаро, что хочу научиться танцевать фламенко³⁸ и попросила нанять учителя.

Опекун посмотрел на меня пронизывающим взглядом.

– Я так и знал, что этот шивый каталонец вскружил тебе голову! – недокуренная сигара была с силой раздавлена в пепельнице.

Я покраснела.

– Вот ещё! Просто этот танец такой красивый...

– Не морочь мне голову! – перебил он.

Опустив глаза, я нервно грызла ноготь.

Дон Амаро усмехнулся.

– Если хочешь, чтобы мужчина оказался у твоих ног, не трать время в надежде ему понравиться. Сегодня ему нравится одна, завтра – другая. Любовь мимолётна и вянет, как сорванный цветок. Лучше изучи его слабости. Изучишь слабости, сможешь управлять.

Я посмотрела на опекуна так, точно он спятил.

³⁸ Национальный испанский танец.

– Управлять Рамоном... гордым и независимым Рамоном?..

По губам опекуна пробежала улыбка. Он неспешно взял со стола большую амбарную книгу, полистал страницы, ткнул мне под нос чернильные записи.

– Знаешь, что это такое, Джованна? – толстый палец указал на какие-то цифры; я покачала головой. – Это долг твоего каталонца... Да, конечно, он много и хорошо работает, и я как хозяин доволен им. Но он игрок, и ему постоянно нужны деньги!.. – дон Амари вытащил лежавшую между страниц кипу расписок, перевязанных тесьмой, и потряс ими в воздухе. – Посмотри, сколько он мне задолжал... Видишь? Ему понадобится несколько лет, чтобы расплатиться со мной... «Гордый и независимый», – мужчина расхохотался, и в этом смехе было что-то хищное и угрожающее. – Сейчас мы увидим, какой он гордый...

Дон Амари позвонил в колокольчик. Прибежавшему на зов негритёнку было велено немедленно разыскать конюха.

– Что вы затеяли?.. – испугалась я.

– Хочу провести маленький эксперимент.

– Какой?

– Увидишь.

...Когда негритёнок доложил о прибытии Рамона, мне было приказано выйти в соседнюю комнату. Двери были оставлены приоткрытыми.

– Моё почтение, сеньор! – услышала я голос, от которого заколотилось сердце.

– Входи, у меня к тебе дело... Ты помнишь, сколько мне должен, Касарес?

– У меня пока нет таких денег, сеньор... Но, клянусь, я отдам всё до последнего сентаво... – в голосе Рамона слышались заискивающие ноты. – Я буду работать, как вол... я рассчитаюсь...

– Куда ж ты денешься... – усмехнулся дон Амари. – Впрочем, я предлагаю заключить сделку: ты выполняешь то, о чём я попрошу, а я рву все твои расписки.

– Чего вы хотите от меня, сеньор?

– Это не потребует от тебя особых усилий, Касарес... Моей воспитаннице, которую я люблю, как родную дочь, недавно исполнилось семнадцать. Как ты знаешь, я подарил ей на день рождения лошадь.

– Прекрасный подарок, дон Амари. Лучший жеребец во всей округе!

– Отменный жеребец: породистый, сильный, выносливый!.. Но, видишь ли, Касарес, этот подарок кажется мне недостаточно щедрым. Моя малютка заслуживает большего, не так ли?.. Поэтому я решил подарить ей ещё одну игрушку. Тебя.

– Что вы имеете в виду, сеньор?

– Только то, что сказал. Ты будешь ласков с моей Джованной... По-настоящему, не так, как со своими грязными девками. Она заслуживает царского обращения. А я прошу все твои долги.

– Господин хочет, чтобы я?..

– Именно.

– Святая Матерь Божья!.. Я не верю своим ушам!.. Вы, должно быть, шутите, сеньор? Или проверяете меня...

– Мне незачем тебя проверять. Твоё нутро не вызывает во мне никаких сомнений... Ну так, как?.. Я знаю, что ты рвёшься в Штаты выступать на rodeo. Тебе бы пошла ковбойская одежда... не то, что рвань, которая сейчас на тебе... Ты мог бы зарабатывать кучу денег... Богатые белые дамочки сами просились бы в руки... Ты мог бы жить припеваючи. Но тебя держат долги... Пока расплатишься, пройдут годы. За это время превратишься в выжатый лимон. Будешь гнить в какой-нибудь лачуге на берегу Амазонки. Старый, больной и никому не нужный. А твоё место займут другие – молодые и сильные...

- Но если я это сделаю, сеньор... меня повесят за растление...
- Не беспокойся, не повесят, – я почувствовала, что дон Амаро улыбается.
- Мне, право, неловко спрашивать об этом... А сеньорита... она не будет против?
- Уверяю тебя, сеньорита против не будет.

После минутного молчания, я услышала голос Рамона:

– Я согласен, дон Амаро.

Моё сердце оборвалось.

– Вот и хорошо. Ты умный человек, Касарес. Я знал, что мы поладим, а сейчас можешь идти.

– Да, сеньор.

Когда Рамон ушёл, я вышла из своего укрытия. Слезы гнева душили меня.

– Вы самый подлый и омерзительный человек, которого я знаю!.. Вы – негодяй!..

Дон Амаро налил себе виски.

– Иди в свою комнату, – со смехом откликнулся он, – приготовься к встрече с мечтой!

Этот вечер станет для тебя незабываемым.

Я, стиснув кулаки, подступила к нему:

– Гаже вас нет никого на свете!.. Если б вы знали, как я вас ненавижу!..

– Вот она, благодарность бродяжки... – уголки губ дона Амаро дёрнулись. – Впрочем, ни на что другое я и не рассчитывал.

Слово «благодарность» исторгло из моей груди истерический хохот.

– Мне благодарить вас?! За что?.. За кусок хлеба, что вы мне бросили из милости, я расплатилась сполна. И кому как не вам об этом знать.

– Не строй из себя невинного ягнёнка! Ты родилась в грязи, и тебя туда всю жизнь неудержимо тянет. Я попытался отмыть тебя, но только даром потерял время. У таких как ты в жилах не кровь течёт, а помои.

Ещё минуту назад мне хотелось ударить его, но злость и бешенство внезапно покинули меня, их сменил сарказм.

– Один вопросик, сеньор Мецподжорно... так, любопытство... Просто очень хочется знать, что же вам, благородному сеньору, надо рядом с такой как я? Неужели грязь так сладостна?..

Кажется, он впервые не нашёл, что ответить.

...Уже через несколько минут я набивала вещами свой дорожный саквояж. Когда в комнату вошёл дон Амаро, я жестом преградила ему путь:

– Только попробуйте меня остановить!

– Даже не думал. Ты вернёшься сама.

– Я больше никогда сюда не вернусь!

– Вернёшься. Очень скоро, и с поджатым хвостом. Ты будешь на коленях умолять, чтобы я принял тебя назад.

– Я скорее сдохну, чем о чём-то попрошу вас!

– Ты сдохнешь, едва шагнёшь за ворота поместья.

– Пускай! Только бы вас не видеть!

Подхватив кладь, я переступила порог комнаты. Дон Амаро отступил на шаг, пропуская меня.

– Ты даже не представляешь, на что обрекаешь себя, – услышала я за спиной его голос. – Тебе придётся торговать собой, чтобы заработать на миску похлёбки.

– А чем это отличается от моей теперешней участи?

– Трижды идиотка!.. Я мог бы закрыть тебя под замок, закон на моей стороне... Но я не сделаю этого!.. Недели не пройдёт, как ты притащишься сюда, обливаясь слезами, и будешь

в ногах валяться, лишь бы я простил тебя и позволил вернуться! Запомни, Джованна, так и будет!..

Чувствуя себя, как каторжник, перед которым распахнули ворота тюрьмы, я даже не оглянулась. Моему ликованию не было границ: оковы спали, я получила свободу.

Дон Амаро, и правда, не стал меня удерживать, хотя я всё время опасалась, что он передумает и силой заставит остаться. Но он, видимо, не сомневался в том, что я в скором времени, набив шишек, присмирившая и покорная приползу назад, и потому не чинил препятствий. Напротив, он даже отдал распоряжение Перейре, чтобы меня проводили за пределы поместья.

Перед тем, как навсегда покинуть плантацию, зашла на конюшню. Я не могла уйти, не увидев Рамона в последний раз. Кроме того, я твёрдо решила, что помогу ему выпутаться из капкана, расставленного доном Амаро.

Рамон куском кожи чистил лошадиную сбрую. Увидев меня, выпрямился в полный рост.

– Сеньорита... какая приятная неожиданность... – в голосе каталонца послышалась непривычное смущение. – На прогулку изволите? Запрячь Инфанта?

Покачав головой, я развязала тесьму висевшей у меня на руке сумочки и нащупала внутри неё маленький кошелёк, в котором были все мои сбережения: в течение многих лет я откладывала карманные деньги, что выдавал мне дон Амаро на мелкие расходы, и смогла скопить кое-какую сумму.

– Знаю, ты мечтаешь о родео... Но совершать неблагоприятные поступки ради этого не придётся...

Рамон, казалось, не слышал меня. Он, между тем, окончательно оправился от растерянности, к нему вернулась привычная развязанность.

– Не хотите прогуляться?.. Что так? Погодка располагает... – он оглядел меня с головы до ног. – Да, верно, вы не такая, как прочие... Самое главное отличие барышни от простой девки – это духи. У себя в будуаре вы все благоухаете розами, но стоит вам задрать подол где-нибудь на конюшне, и от вас станет нести навозом похлеще, чем от плебейки... – он бесцеремонно схватил меня за руку. – Какие пальчики... белые, нежные, чистенькие...

– Ты что, Рамон?!

– Посмотрим, что в вас ещё такого особенного... – его руки грубо шарили по моему телу, – ну-ка, глянем, что за сокровище скрывается за этими тряпками...

– Отпусти!

– А вот это уже глупо, сеньорита! Вы сами сюда пришли, никто не тащил на аркане... А теперь вдруг непонятно с чего оробели... – я чувствовала, как трещит по швам нижняя юбка и изо всех сил пыталась вырваться. – Ну же, сеньорита, вы сами этого хотели... именно за этим сюда и пришли...

– Неправда!.. Я хотела с тобой попрощаться...

– Для начала давайте поздороваемся...

– Пусти, мне больно!..

– Простите, сеньорита, я не обучен галантным выкрутасам, к которым вы привыкли... но, может быть, моё обращение вам тоже придётся по вкусу... никто не жаловался раньше...

Я ударила его по щеке.

– Мразь! Жиголо!.. – он отпустил меня. – Решил должок отработать, да?.. Я думала, ты гордый... А ты просто ничтожество!.. – глядя на Рамона, мне казалась невероятным, что ещё совсем недавно я искренне восхищалась этим человеком; выхватив из сумочки кошелёк, я швырнула его ему под ноги. – Это тебе за старания. Скажешь дону Амаро – уговор, который вы с ним заключили, выполнен!.. А ещё скажешь ему, что первый жеребец мне понравился больше!

И всё-таки я не смогла сдержать слёз. Выбегая из конюшни, крикнула:

– Боже, неужели я могла тебя любить?..

... Сейчас это объяснение видится таким же нелепым и театральным, как сцена из немого кино. Но в тот момент, когда я произносила все эти высокопарные фразы, у меня разрывалось от боли сердце. Казалось, я исходила кровью, а это была самая, что ни на есть дешёвая и пошлая оперетка с убогим реквизитом и бездарными актёрами... Вспоминая её, единственное, о чём сожалею, это о том, что тогда с такой лёгкостью рассталась с деньгами (не сомневаюсь, что Касарес их тут же спустил в карты). Не соверши я подобной глупости, жизнь, возможно, потекла бы совсем по другому руслу...

... Как ни тяжело признаваться, но дон Амаро оказался тысячу раз прав в том, что я понятия не имела о мире, который подстерегал меня за дверями его дома. В моём представлении он был самым ужасным местом на свете, потому-то я тогда так легко и запросто сбежала. Но то, что ждало за его порогом, не снилось даже в кошмарах.

... Кампус³⁹, куда я приехала из Баии для того, чтобы начать всё с чистого листа, растоптал мои надежды жестоко и безжалостно. Получив довольно приличное домашнее образование, я надеялась найти работу учительницы. Но попытка устроиться в местную школу без диплома и рекомендаций потерпела фиаско. Не взяли меня и гувернанткой: хозяйки домов, в которые я приходила по объявлению, едва завидев меня на пороге, хлопали дверью. Никто из них не удостоился хоть как-то объясниться со мной. Я была в замешательстве, не понимая, чем не угодила всем этим дамам. С каждым новым отказом растерянность перерастала в панику. Наконец, мои нервы не выдержали.

– Прошу вас, сеньора!.. Одно только слово!.. – взмолилась я у двери, в который раз готовый закрыться перед моим носом. – Почему вы меня прогоняете? Ведь вы меня даже не выслушали!..

Сытое, надменное лицо моей собеседницы приняло брезгливое выражение:

– Я и так вижу, что вы нам не подходите.

– Хотя бы скажите – почему?

Но женщина всем своим видом дала понять, что разговор окончен.

– Диего, проводи барышню...

Подоспевший на зов хозяйки пожилой привратник и объяснил мне причину её неудовольствия.

– Сеньор взял бы вас... как пить дать – взял бы... Но он в отъезде... А сеньора, понятное дело, не возьмёт... Слишком уж вы хорошенькая. Она всем хорошеньким отказывает.хлопот с ними!.. Того и гляди, как бы чего не вышло... Будь вы постарше, ещё бы полбеды, а так... Сеньоре с такой нянькой одни хлопоты...

Вероятно, по той же причине меня не хотели нанимать и горничной.

... Понемногу я распродала почти все личные вещи, но денег, которые удалось за них выручить, хватило совсем ненадолго. Когда же я прожила дотла всё, что у меня было, я оказалась на улице.

Об этом периоде жизни стараюсь не вспоминать. Внушила себе, что его никогда не было. И у меня получается быть хозяйкой своей памяти в течение целого дня. Только вот ночью она, как дикое животное, вырывается из клетки, и я посыпаюсь в холодном поту, а потом долго смотрю в темноту, пытаюсь отогнать полночных призраков с их сиплыми, пропитыми головами и тошнотворным гнилостным дыханием. Я почти не помню лиц – они слились воедино, превратившись в нечто бесформенное, заплывшее жиром, с красными воспалёнными глазами

---

³⁹ Город в Бразилии.

и слюнявым ртом, но воспоминания о чужих прикосновениях, грубых и циничных, оказались нетронутыми. Каждую ночь я чувствую, как кожу царапает щетина, как по ней струйками сбегает чей-то липкий пот, как кто-то рывком наматывает мои волосы на кулак, как меня с размаху швыряют на застеленный грязным тряпьем топчан... Скомканные простыни, груды одежды, брошенной на ржавую спинку кровати, захватанное, местами почерневшее зеркало, таз, наполненный мутной водой, выщербленная мраморная доска над умывальником, клок пакли, торчавшей из продавленного матраса... Был ли у меня иной выбор? Был. Я могла вернуться к дону Амаро, прибиться, как приبلудная собака, к дверям его дома. И он не прогнал бы меня... Унижение в обмен на гарантированную тарелку супа. Или голод и нищета. Но в любом случае позор неизбежен. Он – моё прошлое и будущее. Им пропиталась моя кожа, им пахнут мои волосы. От него не убежать и не отмыться. Он будет со мной до самой смерти. А если так – декорации не имеют значения...

Сколько это длилось? Несколько недель?.. Или месяцев?.. А, может, год?.. Не помню.

Мысль прекратить всё разом возникла из ниоткуда и очень скоро переросла в навязчивую идею, ходившую по пятам, преследующую днём и ночью. Она казалась единственным выходом, дверью, ведущей из мрака на свет. Стоит только набраться смелости и распахнуть её... Один решительный шаг – и всё позади, страдания закончатся...

Но я не сделала этого. Не потому, что испугалась умереть. И не потому, что захотела жить. Просто моё сердце однажды превратилось в камень и, выкатившись из груди, упало в воду. Оно и сейчас лежит где-то на дне реки.

...Оказавшись на мосту на окраине города, я долго смотрела сверху на грязную речную воду: апельсиновые корки, щепки, вздувшееся белое брюхо дохлой табакуи⁴⁰... В руке был нательный крест. Я сняла его с шеи, посчитав, что с такими греховными мыслями, которые теперь роились в моей голове, больше не имею права его носить. Носить его – значит, осквернять.

Встала на колени.

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...»⁴¹.

Зажмурив глаза, прижалась лбом к деревянной перекладине моста.

«Множкратно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня...».

Я обращалась к Господу с последней молитвой покаяния, но вместо этого ко мне со всех сторон лезли образы, которые я всю жизнь отчаянно пыталась вытравить из сознания.

«Мы заживём так, как тебе и не снилось...».

«Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал...».

«Парагвайский гостинчик...».

«Ты праведен в приговоре Твоём и чист в суде Твоём...».

«Износился, как старое платье...».

«Я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя...».

«Просыпайся, Джованна! Твоя потаскуха-мать тебя бросила!».

«Ты возлюбил истину в сердце, и внутрь меня явил мне мудрость Твою...».

«Порок у вас в крови...».

«Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушённые...».

«Ты ведь послушная девочка, да, Джованна?...».

«Отврати лицо Твоё от грехов моих, и изгладь все беззакония мои...».

«Ты отомстишь и за себя, и за меня...».

---

⁴⁰ Пресноводная рыба.

⁴¹ 50 Псалом Давида

«Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня...».

«Будь ты проклят, мерзкий упырь!...».

«Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня...».

«Он не узнал меня, Джованна...».

«Возврати мне радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди меня...».

«Не знаю, куда от неё деться!...».

«Господи! Отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою...».

«Ты будешь на коленях умолять, чтобы я принял тебя назад...».

«Жертва Богу дух сокрушённый; сердца сокрушённого и смиренного Ты не презришь, Боже...».

Ещё пара фраз и «аминь» под занавес – а потом моя жизнь оборвётся. Как только я произнесу это слово, между тем и этим миром останется последняя преграда – деревянная перекладина: мне нужно будет лишь подлезть под неё, а затем спрыгнуть с моста.

Я подползла к самому краю, теперь надо лишь зажмурить глаза и... Но решимость, с которой я пришла сюда, иссякла. Хотелось во что бы то ни стало докричаться до Бога. Хотелось, что бы он мне помешал... Должен же хоть кто-то окликнуть меня в момент отчаяния, остановить – неважно кто, какой-нибудь случайный прохожий!.. В этом и есть милость Божья... Неужели он не дарует её мне?

«Почему ты так поступаешь со мной? Какое преступление я совершила, что ты наказываешь меня? Почему одних ты благословляешь, а других с рождения втоптываешь в грязь?! Где твоя справедливость? Где твоё милосердие?»...

Но слова, не долетевшие до Бога, растаяли в воздухе. Меня никто не услышал. Вцепившись в почерневшие доски, я вглядывалась до боли в глазах в мутную воду... И, наконец, решилась... Но память снова швырнула к другим берегам.

«Если судьба сдала тебе на руки одну шваль, это не повод, чтобы выйти из игры, это значит, что тебе пора осваивать шулерские штучки. И пусть потом плачет тот, кто окажется с тобой за одним игорным столом...».

Я сглотнула слюну... Где я услышала эти слова? Кто нашептал мне их: Бог или Дьявол?..

Услужливая память освежила эпизод из недалёкого прошлого: гостиничный номер, один из моих клиентов – прожжённый картёжник по прозвищу Париж. Помнится, я спросила у него: «Почему Париж?». А он похвалился, что как-то раз по полной начистил французских толстосумов, сорвал такой крупный куш, что все только ахнули, когда ему случилось назвать сумму. Ну, с тех пор и пристала кличка... Как же его настоящее имя?.. Кажется, Рокко... Весёлый, смазливый парень с родинкой на щеке... Он дурачился, поливая меня шампанским и осыпая ворохом только что выигранных денег, рассказывал неприличные анекдоты и показывал карточные фокусы... Спустя пару дней до меня дошёл слух, что Рокко кто-то зарезал в таверне...

«Если судьба сдала тебе на руки одну шваль...».

Ладонь разжалась сама собой... Едва слышный всплеск и маленький кружок над водой.

Я поднялась с колен и вытерла слёзы.

«Ну что, Джованна, – сказала я самой себе, – настало время осваивать шулерские штучки...».

...Не знаю, откуда у меня тогда взялось смелости, чтобы отправиться к Аттиле – главарю местных бандитов, и предложить ему совместный бизнес.

Аттила расхохотался, когда я изложила ему суть дела и назвала свои условия: ему – тридцать процентов прибыли, мне – семьдесят. Он не поверил в успех моего предприятия и выругал последними словами. Впрочем, ни на что другое я и не рассчитывала. Но отступить было уже поздно, и я повторила ему свои требования. «Твоя наглость поражает! – сказал он, разглядывая меня с неподдельным изумлением. – Как такой тупой корове, как ты, это вообще

могло взбрести в голову?». Когда я добавила некоторые детали к своему рассказу, в которых раскрылись кое-какие подробности задуманного проекта, по выражению его лица поняла, что он больше не считает меня тупой. Сбавив до сорока мой процент от выручки, Атилла пообещал своё покровительство.

Итак, с его помощью мне удалось открыть заведение. Можно называть его, как угодно – публичным домом, борделем, домом терпимости, притоном, я же предпочитаю именовать его салоном. Название для него было выбрано изящное и экзотическое – «Золото Пайтити».

Подобно древнему городу инков, затерянному в недрах дикой сельвы, дом хоть и располагался в самом центре Кампуса, но от посторонних глаз его надёжно скрывали густые заросли деревьев. Желая придать салону особый шик и таинственность, мы с Атиллой распустили слух, что его владельцем является один престарелый миллионер из Европы, ведущий затворнический образ жизни. На самом же деле этот старинный трёхэтажный особняк, брошенный прежними владельцами после пожара, Атилла прибрал к рукам совсем даром. Мне же он сдавал дом за какую-то совершенно грабительскую сумму: ежегодно несколько сотен рейсов просто исчезали из карманов, как дым, и оседали в его алчных лапах. Также я была вынуждена сделать полностью за свой счёт ремонт в помещении. И если подсчитать, сколько я денег ухлопала на оплату счетов краснодеревщика, обивщика и стекольщика, то выйдет целое состояние.

До тех пор, пока мои дела не пошли в гору, салон не отличался особым великолепием: на первом этаже находился большой зал, где происходили так называемые смотрины, на втором этаже располагались апартаменты, где клиент встречался с заказанной девочкой (таких спален в доме было четыре), на третьем – столовая, комнаты девушек с зарешёнными окнами и прислуги. Всё очень просто, без изысков, но чисто и ухоженно. Потом, когда понемногу смогла развернуться, я придала особняку истинную респектабельность: забоясь о звукоизоляции, все стены обила пробкой, наняла художника, выполнившего интерьер каждой из спален в определённом стиле – японском, мавританском, индийском, китайском, украсила салон настоящими полотнами, соорудила бассейн внутри дома и фонтан, открыла на первом этаже ресторан... Но это было потом, спустя много лет. А на первых порах мне пришлось очень туго. Экономить приходилось буквально на всём. Конечно, в первую очередь, на девочках – они работали за кормёжку.

Себе в помощь я наняла двух работников: грека Тимасеоса и парагвайца Сантьяго. Их репутации не отличались кристальной чистотой, но это были сильные и крепкие парни; они занимались подбором «кадров», обеспечивали охрану заведения, и, пока в салоне не появился швейцар, сменяя друг друга, стояли на дверях, встречая и провожая посетителей. Постепенно штат прислуги разросся до десяти человек: экономки, кухарки, повара, прачки, дворника, прихватчика, горничной и пианиста. Но это, опять же, было потом. А на первых порах мне приходилось работать один на один с двумя отъявленными головорезами: пару раз я была вынуждена пустить в ход нож, чтобы эти скоты раз и навсегда уяснили, что перед ними хозяйка, а не непотребная девка. Позже, правда, мне никогда не приходилось жалеть о своём выборе – молчаливость и преданность моих помощников выдержали все испытания.

...На открытие я пригласила священника. Не знаю и знать не хочу, что за личность пряталась под сутаной, и где располагался приход, в котором этот падре якобы служил. Всем своим видом он не вызывал никакого доверия. Это было низенькое щуплое существо с бегающими глазами, которые он отводил всякий раз, как сталкивался с тобою взглядом. Теребя жиденькую бородёнку трясущимися пальцами, где вместо ногтей топорщились длинными белыми полосками уродливые шрамы, он поминутно озирался, точно за ним кто-то гнался. Облизнув красным языком влажные губы, он подкинул на ладони протянутую мною монету, молниеносным движением схватил её и, кувнув длинным жёлтым резцом, спрятал в недрах своего просторного одеяния. Я не намеревалась афишировать свою будущую деятельность – весёлый дом

маскировался под вывеской фотосалона, но этот святоша был настолько мелок и гадок, что даже как-то неловко было его таить.

– Не стану скрывать, отец Гуга, место, которое я прошу вас освятить – бордель.

Два цепких глаза на секунду впились в меня.

– Тогда плата будет удвоена.

Я протянула ему ещё одну монету:

– Это справедливо.

Подлинность другой монеты была также проверена на зуб, после чего поступило неожиданное предложение – падре изъявлял желание исповедовать грешниц. «Чёртов извращенец!» – мелькнуло в голове.

Отец Гуга ответил на презрительную усмешку, появившуюся на моих губах, заключительными стихами Псалма, которые я когда-то так и не решилась произнести – «Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион; воздвигни стены Иерусалима: тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов, аминь». Услышав это, я расхохоталась – наконец-то ты мне ответил, Господь!

... В первые месяцы работы пришлось несладко. Во все дела совал нос Аттила. Он устроил настоящую истерику, когда увидел моих венерочек.

– Ты спятила! – помнится, разорался он. – Это же дети!

– Они вполне годятся для этой работы, – спокойно отвечала я.

– Да кто пожелает иметь с ними дело? – не унимался Аттила. – Они же ещё совсем зелёные! Ты бы ещё грудных сюда приволокла!

– А ты предпочитаешь восьмидесятилетних?

– Когда ты сказала, что будут молоденькие, я подумал – лет двенадцати, тринадцати.

– Семь лет – прекрасный возраст.

– Но они же плоские, как рыба-нож! – возмутился Аттила. – Кто с такими захочет лечь?! Я думал, мы с моими парнями будем заходить сюда развлечься, а что нам тут делать? Охотников на такой товар днём с огнём не сыщешь!

– Для тебя и твоих дружков есть клячи из киломбо⁴². А мои девочки – исключительно для высоких господ.

Он не придумал ничего более умного, как оскорбить меня:

– Поговори у меня, тупорылая шлюха!.. Имей в виду, всё, что я вложил в эту дерьмовую забегаловку, ты вернёшь мне до последнего сентаво⁴³. Мне плевать, где ты возьмёшь деньги, когда прогоришь! Сама на панель выйдешь, но отдашь!

– Не заводись, Аттила! Клянусь тебе, я полностью рассчитаюсь. Дай только время...

Сейчас могу сказать определённо точно – выбор был сделан правильно: товар пришёлся по вкусу здешней публике. Среди постоянных клиентов, которыми я понемногу обзавелась, были преимущественно сливки общества: плантаторы, банкиры, судьи, адвокаты, владельцы крупных мануфактур – солидные семейные люди, ценящие превыше всего покой и дорожащие своей репутацией. Я старалась сделать их времяпрепровождение максимально комфортным. Поскольку я имела дело с людьми уважаемыми и почтенными как по возрасту, так по статусу, я предпринимала всё для того, чтобы мой салон даже отдалённо не напоминал гнездилище разврата. Поэтому ни о каких пьяных оргиях с драками, скандалами и поножовщиной, которыми так славились бордели беднейших городских кварталов, не могло быть и речи. Люди, приходившие ко мне, скрывались в комнатах, оборудованных всеми необходимыми удобствами

---

⁴² Публичный дом.

⁴³ Разменная денежная единица ряда испано- и португалоязычных стран, равная $\frac{1}{100}$ базовой валюты.

и приспособлениями для утех, также благопристойно, как если бы приходили на приём к доктору, а всё, что происходило за закрытыми дверями – меня не касалось.

Чтобы моё заведение в глазах гостей выглядело как можно более приличным, на первом этаже дома я разместила маленький магазинчик, где продавались цветы, драгоценности, изысканный швейцарский шоколад, книги в дорогих кожаных переплётках, приятные безделицы, привезённые контрабандой из Парижа. Для семейных клиентов было очень удобно, выйдя от нас, отправиться домой не с пустыми руками, а захватив домочадцам какой-нибудь очаровательный подарок – духи для жены или фарфоровую куклу дочери. Некоторые были так растроганы моей заботой и предусмотрительностью, что показывали фотографии детей, запрятанные в недрах бумажника, хвалились их талантами. Подпевая в унисон чадолюбивым папашам, я старалась запомнить лица их отпрысков, а потом, целенаправленно объезжая улицы Кампуса, высматривала среди юных попрошайек тех, кто был похож на ангелочков из бумажника. Если мне удавалось откопать среди бульварного мусора что-то подходящее, оно немедленно похищалось, отмывалось, откармливалось, одевалось в шёлковые панталончики и кисейное платице и преподносилось клиенту в качестве подарка по любому удобному поводу – к Рождеству или в ознаменование удачно выигранного судебного процесса. Многие были так шокированы моим сюрпризом, что в первые минуты даже теряли дар речи, до того точным было сходство, но когда приходили в себя, со слезами на глазах рассыпались в благодарностях. В такие моменты их щедрость не знала границ. Во всяком случае, от предложенного презента не отказался никто.

Ещё одним необходимым условием моего бизнеса была полная конфиденциальность. Именно поэтому у дверей салона «Золото Пайтити», в отличие от второсортных заведений, никогда не крутились извозчики: мои люди заранее договаривались, когда каждый из них должен подъехать. В назначенное время подкатывала пролётка, клиент садился в неё и был таков. Мы сотрудничали с тремя извозчиками, готовыми по первому свисту сорваться и поехать куда угодно. Услуги эти стоили недёшево, но без них мы не могли обойтись, особенно когда дело касалось щепетильных случаев: приходилось тайно вывезти бездыханное тело. Такие досадные недоразумения, к сожалению, иногда происходили. Что поделаешь – специфика товара. В отличие от домов, где работали взрослые женщины, мой салон населяли хрупкие создания: чуть увлёкся клиент – и сломалась живая игрушка.

Первые две жертвы Сантьяго закопал в саду – и уже через год на этом месте всюду цвёл розовый куст. Но потом я воспротивилась такому нелепому и примитивному решению проблемы. И меня поддержал Тимасеос: «Нельзя их оставлять здесь. Если накроют – будем бледно выглядеть». Он предложил вывозить трупы за город и сбрасывать в реку. Я уже готова была согласиться с ним, как запротестовал Сантьяго: «Ты их не хоронил, ты не знаешь, сколько с ними возни. А я знаю! Кровищи иногда бывает столько, что пролётку не домоешься! А нам на ней ещё гостей доставлять. Была б попроще публика – полбеда, а наши франты – натуры нежные, к ним деликатный подход нужен, а то ещё чего доброго рыло воротить начнут». «Ты прав, – согласилась я. – Надо придумать что-то другое». Неожиданно нам на помощь пришёл Отец Гуга: этот человек появлялся всегда незаметно и бесшумно, точно кошка, и также внезапно исчезал. Чем больше я общалась с ним, тем больше приходила к выводу, что он такой же священник, как я – царица Савская. Держу пари, что где-то далеко отсюда по нему давным-давно плакала верёвка. «Что за средневековая дикость в то время, когда в городе есть морг, – невозмутимо отозвался он. – Достаточно за небольшое вознаграждение договориться с одним из работников и всё – разве мало в Кампусе неопознанных трупов... Кто ими когда интересовался?». Я и мои подручные переглянулись – похоже, мысль о виселице пришла не только в мою голову.

Было у Отца Гуги одно маленькое хобби, которое нам очень пригодились, – страсть к фотографированию. Мы оборудовали мастерскую, где в качестве натурщиц побывали все

мои пташки. Потом эти снимки пересекли океан вместе другими с контрабандными товарами Латинской Америки и тысячами разлетелись по всему миру. По слухам, их сбывали даже в Китае. Также Отец Гуга уговорил меня нанять двух мулатов для позирования вместе с девочками. Эти снимки были настоящей мерзостью – после их просмотра я долго оттирала с мылом руки, но наш «святоша» убежденно заявил, что именно такие фотографии пользуются наибольшим спросом.

Помимо этого мы собрали компромат на каждого посетителя – когда клиент пьян или чрезмерно поглощён процессом, выполнить это незаметно особого труда не составляет. Поскольку мой бизнес был предприятием довольно рискованным, это было сделано на случай, если бы кто-то из достопочтенных горожан вдруг вспомнил о том, что является блюстителем общественной морали и захотел бы закрыть «Золото Пайтити».

У Отца Гуги были и другие таланты. Не знаю, насколько хорошо он знал медицину, чтобы проводить врачебные осмотры, чего он очень ревностно добивался, но он понимал толк в таких вещах, где и я, и мои помощники были полными профанами. Всё дело в том, что некоторые из клиентов имели особенные предпочтения – покупали исключительно нетронутых дев. Для нашего заведения выполнить любой каприз заказчика – вопрос чести. Но вся беда в том, что товар необходимого качества встречался крайне редко: маленькие нищенки, которыми наводнены улицы Кампуса, испорчены с колыбели, а те, что отвечают необходимому требованию или страшны до безобразия, или больны какой-нибудь заразой. Впрочем, на уродливых тоже имелся спрос: среди наших постоянных клиентов была парочка таких, для которых мы специально держали карлицу и горбунию. Приведи им Теду Бару⁴⁴ или Грету Гарбо – они и ухом не поведут, а увидят этих страшилищ – готовы буквально осыпать деньгами.

Чтобы выполнять заказы наших гурманов, Тимасеосу и Сантьяго приходилось объезжать провинциальные деревушки и скупать у бедноты их дочерей, и также засылать вербовщиков в Аргентину, Боливию и Парагвай. Но отыскать райский цветок в жалких лачугах удавалось нечасто. Иногда же корыстолюбивые мамы попросту лгали нам, подсовывая подпорченных девиц. А если всё же подворачивалось что-то стоящее, то это ещё было полдела – малютку предстояло привести в божеский вид и научить, как вести себя с господами. Попадались дикарки, которые царапались и кусались так, что моим подручным приходилось прибегать к порке, чтобы их обуздать: но при этом они не слишком усердствовали, чтобы не повредить кожу. Иногда на то, чтобы обтесать какую-нибудь уличную штучку и научить её мало-мальски держать себя в приличном обществе уходило месяцы. Абсолютно неразвитые умственно, девочки зачастую не могли связать двух слов, а если и открывали рот, то сыпали такими ругательствами, что волосы вставали дыбом. Я по мере сил старалась отучить их от брани и привить им хотя бы элементарные представления о гигиене – все без исключения девицы были крайне невежественны в этом вопросе. Образовывать их в мои задачи не входило: я лишь объясняла им необходимые правила этикета и заставляла зазубрить несколько нехитрых иностранных выражений: по собственному опыту знаю – когда интеллигентный мужчина слышал на французском какую-нибудь непристойность, он приходил в экстаз.

Мы очень намучились в поисках невинных юных красавиц, пока Отец Гуга не подсказал гениальную мысль: чтобы создать видимость кровотечения, достаточно вставить в причинное место клочок губки, смоченный кровью, которая выдавливалась в процессе соития. Мне понравилась идея: очень убедительно и никаких финансовых затрат. Впрочем, если клиент желал развлечься с девочкой на стороне, к примеру, взять её к себе на фазенду, мы предпочитали не рисковать, чтобы нас не обвинили в мошенничестве, и подготавливали девиц более сложными способами. Чаще всего Отец Гуга использовал сильное вяжущее средство: пары укуса, мирровую воду и настой из желудей и терновых ягод. Это давало настолько эффектив-

---

⁴⁴ Американская актриса немого кино.

ный результат, что некоторых профессиональных девственниц мы подправляли по несколько раз в неделю. Особо щепетильным клиентам, чтобы у них не возникало никаких сомнений в качестве приобретаемого товара, Отец Гуга выписывал медицинские справки, в которых документально удостоверял наличие целомудрия.

Также Отец Гуга знал толк во всём, что касалось чудодейственных аравийских ароматов и эссенций, исцеляющих импотенцию. И хотя шпионивший за ним Сантьяго считал его великим прохвостом и уверял, что это не более чем вода, смешанная с лавандовым маслом, наши клиенты были довольны и скупали «волшебный бальзам» по три рейса за склянку.

Своим положением не могли быть недовольны и работницы салона. Хотя некоторые ханжи неоднократно называли меня «пожирательницей детей» и обвиняли в том, что я украла детство у тысячи юных бразильянок, все эти слова – ложь: многих девушек я просто спасла от голодной смерти, подарив им несколько лет сытой и относительно беззаботной жизни. Меня можно упрекать в чём угодно, но истина в том, что если б не я, большинство из них не было бы сейчас в живых. Да и что особенного в промысле, который я предложила этим несчастным? Не я первая додумалась до того, чтобы сделать ребёнка забавой для взрослых. Люди гораздо более образованные и утончённые, чем я, не гнушались превратить маленького человека в предмет развлечения. Испокон веков сильные мира сего нуждались в живом инвентаре: рабах, шутах, юродивых, одалисках, евнухах... А если есть спрос, то всегда будет и предложение. Так что отбросим притворство и ложную чувствительность, дамы и господа: покупайте – продаётся!

...Когда мой бизнес полностью наладился, «покровительство» Аттилы начало сильно тяготить. Видя, как он и его люди по-хозяйски заходят в салон, каждый раз требуя всё большие и большие суммы, я думала о том, как раз и навсегда освободиться от влияния бандитов. Отношения двух равных партнёров – ещё куда ни шло, но Аттила упорно не желал становиться моим компаньоном и предпочитал вести себя как собственник. Кроме того, он не проявлял никакого уважения ко мне, по-прежнему видя перед собой лишь бывшую проститутку.

Я избегала общаться с ним прилюдно, зная, что ему ничего не стоит оскорбить меня в присутствии свидетелей, но однажды это всё-таки произошло: когда я отказалась платить дань за один и тот же месяц дважды, Аттила ударил меня по лицу на глазах у экономки. Стерпеть подобное я уже не могла: я прошла длинный путь, выкарабкалась с самого дна не для того, чтобы какой-то подонок безнаказанно унижал меня. Этот человек сам себе подписал смертный приговор: одной душной безлунной ночью Сантьяго и Тимасеос без лишнего шума порешили зарвавшегося мерзавца, а за одним и его верного друга, служившего у Аттилы правой рукой. Тем, что шайка, оставшись без предводителя, была практически обезглавлена, воспользовались другие преступные кланы и быстро разделались с оставшимися в живых громилами. Так свирепая банда Кампуса, долгое время терроризировавшая меня, канула в Лету. А я лишь попеняла себя за то, что не избавилась от Аттилы раньше – сколько ненужных трат можно было бы избежать!

Обретя самостоятельность, мой бизнес окончательно встал на ноги. Имея хорошие связи с видными членами престижного Жокейского клуба Рио, я изготовила акции салона «Золото Пайтити» и продала их богатым анонимным инвесторам. Общая сумма средств, вложенных в развитие дела, составила порядка двух миллионов рейсов⁴⁵. Это было началом моего золотого века.

Деньги дали мне то, к чему я всю жизнь изо всех сил стремилась – положение в обществе: маленькая бродяжка выбралась из грязи и стала сеньорой. У меня сохранилось несколько фотографий тех лет. Вот я сижу на ступенях своего особняка в элегантной шёлковой пижаме,

---

⁴⁵ До 1942 года национальная валюта Бразилии – реал – во множественном числе звучит как рейс.

богато отделанной вышивкой. В руке – длинный мундштук, в ногах – любимый дог. Вот с улыбкой машу фотографу из окна собственного «Кадиллака». Помнится, все иллюстрированные газеты отдали этому снимку по целой странице, сопроводив нелепым заголовком следующего содержания: «Госпожа Антонелли уже оценила новую модель Туре 61, оснащённую „дворниками“ и зеркалом заднего вида». Вот я на антикварном аукционе с сосредоточенным видом разглядываю туалетный столик эпохи барокко... К моим услугам были лучшие ювелиры и портные, самые дорогие рестораны дрались за право назвать меня своей постоянной клиенткой, я была желанным гостем на всех светских приёмах... Но была ли я счастлива? Когда я вглядываюсь в пожелтевшие снимки, вижу за всеми этими модными шляпками, коротко стриженными, обесцвеченными перекистью волосами, густо покрашенными губами, бриллиантовыми диадемами и нитями жемчуга только одно – страх: боязнь будущего, желание спрятаться от прошлого и жуткое одиночество. Как ни тяжело мне в этом признаваться, но, собственноручно создав целую империю страсти, я не знала ничего ни о любви, ни о чувственности. Я могла выйти замуж за русского князя, если бы захотела – после революции 1917 года их по всему миру было пруд пруди, но у меня не было даже любовника. Многие мужчины пытались ухаживать за мной, но я с маниакальным упорством избегала любого физического контакта. По сути, несмотря на свой более чем внушительный опыт, я оставалась всё той же маленькой испуганной девочкой, однажды ночью переступившей порог спальни дона Амаро Мещоджорно. И подобно той маленькой девочке, жила с зажмуренными и прикрытыми ладошками глазами.

Так прошло несколько лет безбедной и относительно спокойной жизни, которая, казалось, будет длиться вечно, до тех пор, пока в один будничнейший и ничем не примечательный день в мою спину не упёрлось револьверное дуло, и хриплый голос не прошипел в ухо: «Будешь дёргаться – тебе конец!».

Услышав угрозу в свой адрес, я не испытала ничего, кроме раздражения. Привыкнув к эксцентричности некоторых посетителей салона, я восприняла происходящее, как глупую шутку. Однако тот, кто держал меня на мушке, не шутил. Скрутив за спиной руки, мне заткнули кляпом рот, нацепили мешок на голову и куда-то поволокли.

Почувствовав, что меня пытаются втащить в какую-то повозку, я рванулась, но тут же получила удар кулаком под дых. Взвыв от боли, я упала на чьи-то руки и больше не пыталась сопротивляться.

... Меня швырнули наземь.

– А теперь, сука, говори, где моя дочь! – услышала я голос одного из похитителей.

Спотыкаясь и падая, я пыталась подняться.

– Да сними ты с неё мешок, она уже всё равно никому ничего не расскажет...

Переведя дыхание, я бегло огляделась по сторонам: солома, лошадиные сбруи, плетённые корзины, кувшины с прокисшим молоком, над которыми роем кружили мухи. По всей видимости, я на какой-то ферме.

Если судить по одежде, мужчины, стоявшие передо мной, смахивали на крестьян, если по револьверам в руках – на гангстеров. Один из них был долговязый, сгорбленный. Его глаза скрывали поля соломенной шляпы, а над безвольным, будто скошенным подбородком нависли длинные седеющие усы. Другой – маленький, коренастый, с выступающим брюхом. Лицо у него было полным, выразительным, энергичным и точно скроенным из грубой дубленой кожи. Я растерялась:

– Кто вы такие?

– Отвечай, паскуда, где моя дочь! – вопрос сопроводила увесистая оплеуха.

Я с трудом удержалась на ногах:

– Какая дочь?

– Которую ты и твои дружки похитили.

– Я не понимаю, о чём вы...

Ещё одна затрещина – и я рухнула, как подкошенная.

– Теперь поняла?

– Да... да... да... Не надо больше, пожалуйста...

Кажется, я, действительно, поняла, что происходит. Передо мной был отец одной из моих подопечных. Его гнев справедлив и понятен. По всей видимости, кто-то из моих ублюдков выкрал его ребёнка. Чёрт! Я же предупреждала этих болванов, Сантьяго и Тимасеоса, – не трогать девушек, у которых есть семьи. К чему рисковать и идти на преступление, когда по улицам страны бродят тысячи беспризорников? Зачем нарываться на вендетту озверелых родственников, когда на свете столько сирот, до которых никому нет дела?

Пару недель назад у меня по этому поводу была ссора с Сантьяго, притащившего в заведение дочь какого-то торговца. Девчонка от страха потеряла голос и лишь затравленно озираясь по сторонам. Мы сутки не могли добиться от неё ни слова. Я была вне себя от бешенства: «Какого дьявола здесь делает эта деревенщина?! Неужели непонятно, что её начнут искать! Ты хочешь неприятностей?». Логика Сантьяго была железной: «Мы не можем подсовывать клиентам одно только отребье. Они так сильно привыкли к невзгодам, что стали непрошибаемы. Директор гимназии давеча жаловался на одну, мол, охаживаю её плёткой, а у ней – ни слезинки, такая грубая, бесчувственная натура. Я уж и так и эдак пытался вразумить этих дур. Говорю, что вам трудно лишней раз заплакать? Куда там! Тупицы! Бестолочи! Не понимают ни хрена, и упрямые, как черти!».

Тут я не могла не согласиться с Сантьяго. Уличные воровки и побирушки, конечно, ни в какое сравнение не шли с домашними детьми: тихими, робкими, послушными. В отличие от дочерей городского дна, слово взрослого человека имело для них авторитет, их было легко уговорить или запугать. И клиентов умиляла их неискущённость. Но, несмотря на все преимущества домашних куколок, я предпочитала с ними не связываться – слишком большой риск. И вот теперь после всех предпринятых мер предосторожности я вляпалась в по-настоящему скверную историю. Кого мне благодарить за это – Тимасеоса или Сантьяго?..

– Ну, что, вспомнила?

– Не трать время на разговоры с этой гнидой. Повесить её, вот и вся недолга!

– Сначала я вытрясу душу из этой поганой твари! Куда вы дели мою Вирхинию, отвечай? Боль в вывернутой за спину руке заставила меня вскрикнуть.

– Нравится? Погоди, это ещё цветочки!

– Надо кончать с ней, у нас мало времени...

– Тащи верёвку.

Кожа покрылась испариной.

– Постойте! Чего вы добьётесь, если убьёте меня? Вы никогда не узнаете, где Вирхиния!

Разрази меня гром, если я знала, о какой из девушек идёт речь! Когда они попадали к нам, их имена переставали существовать и заменялись изящными благозвучными прозвищами: Душка, Шалунья, Тростинка, Шоколадка, Стрекоза...

– Ты что, вздумала угрожать нам?

– Упаси бог! Я лишь предупредила, что без моей помощи отыскать Вирхинию будет очень затруднительно. Только я знаю, где она.

– Она дурачит нас, Пабло.

– Нет, клянусь Мадонной!

– Пытаешься спасти свою шкуру? Я не верю ни одному твоему слову!

– Хорош лясы точить! Возьми лучше верёвку и закрепи её под навесом, вон на той перекладине, а я поищу какой-нибудь топчан...

– Стойте! – вне себя заорала я. – Я расскажу всё, что знаю... Клянусь спасением души, я расскажу вам всё!

– Отлично, и где она?
– На фазенде у одного из клиентов.
– Его имя?
– Сначала развяжите меня.
– Пабло, она врёт! Эту сволоочь пора прикончить.
– Сам вижу... Молись Мадонне, если у тебя хватает совести взывать к ней. Очень скоро ты умрёшь.

Умоляя не трогать меня, я бросилась на колени перед моими похитителями, но это лишь развлекло их.

– Будь довольна, что мы тебя просто повесим. За твои злодеяния тебя надо в куски изрубить, как последнюю падаль, и скормить койотам!
– Отдай её мне, Пабло. Уж я с ней потолкую!
– Нет времени. Мы давно уже должны быть в лагере. Нас, наверное, и так уже ищут.
– Чёрт, забыл совсем!

Я принялась изо всех сил кричать и звать на помощь. Меня ударили кулаком по голове. Теряя сознание, я почувствовала, как на шею набросили петлю...

Меня привели в чувство чьи-то хлёсткие пощёчины. Открыв глаза, я увидела незнакомого человека в военной форме: яркий солнечный луч, прорвавшийся сквозь дощатую щель, наискось бил в угрюмое, энергичное лицо с крупно очерченным носом, углубляя чернеющие впадины глазниц и высвечивая худые острые скулы.

– Вам лучше, мадам?

Приподнявшись, я увидела, что нахожусь всё в том же амбаре.

– Вижу, вы пришли в себя...

– Кто вы такой?

– Вы говорите с полковником Престесом⁴⁶.

В памяти всплыла недавно прочитанная газетная строчка: «Отряд вооружённых бандитов во главе с Луисом Карлосом Престесом оказал ожесточённое сопротивление правительственным войскам в Имбураре (штат Пернамбуку)⁴⁷. От имени президента Бразилии Артура Бернардеса⁴⁸ за поимку и выдачу властям мятежника Престеса назначено крупное денежное вознаграждение».

Имя этого человека было овеяно легендами. Одни называли его опасным анархистом, сеявшим смуту и разрушения, для других он стал живым символом свободы. Что из этого являлось правдой, что вымыслом – один Бог знает. Конечно, я и до встречи с Престесом слышала про его «непобедимую колонну»⁴⁹. В те годы об этом неуловимом партизанском отряде писали все газеты. Никогда не интересовавшись политикой, я, тем не менее, знала и о военном движении тенентистов⁵⁰ – молодых офицеров бразильской армии, восставших против кофейных баронов, и о его лидере и идейном вдохновителе Престесе. С отрядом в несколько тысяч человек полковник Престес совершал набеги на небольшие города, нанося нешуточные поражения правительственным частям. Это был грандиозный многолетний поход по всей стране. Недели не проходило, чтобы Бразилию не сотрясали революционные бунты. Копакабана, Сан-

---

⁴⁶ Луис Карлос Престес – революционер, деятель бразильского коммунистического движения.

⁴⁷ При Имбураре бойцы отряда Престеса в количестве 30 человек одержали победу над отрядом полиции в составе 250 человек.

⁴⁸ Артур да Силва Бернардес – президент Бразилии в 1922—1926 годах.

⁴⁹ «Непобедимая колонна» (или «колонна Престеса») – вооружённое партизанское формирование, которое в 1925—1927 годы вело борьбу против диктатуры правительства и олигархов; его численность колебалась от 1300 до 4000 человек. В состав «колонны» входили младшие офицеры и солдаты, рабочие, крестьяне, представители мелкой буржуазии.

⁵⁰ Тенентисты (от португальского *tenente* – «лейтенант») – военно-политическое движение демократически настроенных офицеров бразильской армии, развернувшееся в 20-х годах.

Паулу, Минас-Жераис, Баия, Риу-Гранди-ду-Норте... – они вспыхивали то в одной, то в другой местности, как ослепительные кровавые факелы⁵¹.

Я смотрела на Престеса с нескрываемым интересом:

– Как же, знаю... знаменитый бунтовщик...

– Не бунтовщик, а повстанец. Именно поэтому вы будете не повешены, как собака, в сарае, а казнены публично после справедливого суда.

– Какого ещё суда? Что за бред! У вас нет ни морального, ни юридического права судить меня... Вы сами преступник!

– Я – вне закона, мадам, но я не преступник.

– Я видела плакаты с вашей физиономией. Они расклеены по всем полицейским участкам страны! А ещё газеты... О вас пишут чаще, чем о голливудских кинозвездах.

– Что есть, то есть: благодаря мне репортёры не сидят без работы.

– И вы осмелитесь меня судить?

– Через четверть часа за вами придут. Если верите в Бога, можете помолиться.

Он ушёл, заперев меня на замок. Как раненая лиса, я заметалась в поисках лазейки, через которую можно сбежать. Как назло сарай был сколочен из крепких брёвен. Я обшарила каждый закуток в поисках мотыги или мачете – тщетно. Меня охватила паника. В эту минуту я услышала лязг отворяемого замка.

Я перебила все глиняные плошки, до которых только смогла дотянуться, но это не помогло: два мужлана связали мне руки, вытащили из сарая и через злобно клокочущую толпу поволокли к высокому дереву. На одном из крепких сучьев уже качалась длинная пеньковая верёвка, а под ней – пустая ржавая бочка. Здесь же стояли Престес и два похитителя. Увидев меня, один из них кинулся с кулаками. Пока его оттащили, он успел разбить мне подбородок. Потом чьи-то сильные руки рывком поставили меня на бочку. Я и охнуть не успела, как шею сдавила верёвка. Оказавшись на плахе, я осмотрелась: несколько сотен мужчин, все вооружены. Таких разжалобить – дохлый номер.

Полковник Престес сделал шаг вперёд.

– Братья по оружию! Посмотрите на эту женщину. Пусть вас не обманут её молодость и хрупкость. Перед вами настоящее исчадие ада. Она похищала и продавала детей на потеху богатым вырождакам. Она не просто эксплуататор трудового народа, она – работорговец. С помощью силы и обмана она растлила и принудила к занятию проституцией сотни маленьких беспомощных девочек, наших дочерей и сестёр. Ей нет и не может быть прощения! Я требую для этой женщины законного возмездия – смерти!

«Смерти! Смерти!» – раздался единый гневный рёв.

Палачи бросились ко мне с намерением выбить бочку из-под ног.

– И это ваш «справедливый суд»?! – истошно завопила я. – Даже законченным злодеям дают возможность сказать последнее слово! А вы вешаете меня без суда и следствия, как трусливые шакалы!

– Если у вас есть, что сказать в своё оправдание, можете защищаться, – холодно отозвался Престес. – Но предупреждаю заранее – ваша участь предreshена. Так что можете не взывать к милосердию. Ваша ничтожная жизнь не стоит и слезинки загубленного вами ребёнка.

– От ваших громких слов тошнит! Да что вам известно про детские слёзы, чтобы рассуждать об этом?.. Эй, вы! У кого из вас есть дети? Все ли вы знаете об их существовании? Или предпочли слинять, едва узнали, что подружка забрюхатела?.. Хорошо кочевать из города в город и витийствовать на митингах с красивыми лозунгами. А через несколько лет брошенные вами женщины приведут и продадут в публичные дома брошенных вами детей. И они

---

⁵¹ «Колонна Престеса» прошла более 25 тысяч км по 14 штатам Бразилии, выдержав 53 боя с правительственными войсками.

будут ублажать какого-нибудь жирного борова не потому, что я похитила и развратила их, а потому, что вы их бросили! Это вы убийцы и раслителители, не я! Я подбираю только то, что вы не захотели заметить. Ваши дети плачут не из-за меня, а из-за того, что вы через них перешагнули... Когда кто-нибудь из вас окажется в борделе и захочет снять девочку, подумайте – не собственную ли дочь вы покупаете!.. – я чувствовала, что всё моё тело сотрясает нервная дрожь, но остановиться не могла, напротив, из груди вырвался грубый издевательский смех. – Вы назвали меня эксплуататором... О да, я эксплуататор! Должно быть, я переняла это у своего деда, надорвавшегося на заготовках чая в Альто-Паране, или у бабки, загнувшейся от чахотки двадцати лет от роду... А, может, этому меня научила моя мать, милая безотказная прачка?.. Она быстрее всех женщин в нашей деревне плюхалась на спину, такое уж у неё было призвание... Или отец, рубщик тростника из Парагвая. К сожалению, я никогда его не видела: он сверкнул пятками ещё до моего рождения, но, видимо, от него я набралась эксплуататорских замашек... А среди вас нет парагвайцев? Нет? Какая жалость! Вот бы вздёрнул кто-нибудь из земляков! Принять смерть из рук соотечественника – слаще мёда... Хотя, постойте, господа революционеры, я вспомнила! Угнетать народ меня научил опекун... Если кто-нибудь из вас окажет любезность и спустит штаны, я покажу всем, как он учил меня это делать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.